Словесница искусств

Хабаровский краевой благотворительный
общественный фонд культуры

8 / 2001

Словесница искусств

№ 8 2001

Журнал Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры

Выходит 3 раза в год. Хабаровск

Свидетельство Дальневосточного территориального управления МПТР ПИ № 15-0009 от 29 мая 2000 года.

Лауреат конкурса 1999г. среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда.

Данный проект осуществлён в рамках конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре при финансовой поддержке автономной некоммерческой организации «Единство журналистики и культуры» и Фонда Форда.

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корректор	Наталья ЗУБКОВА
Компьютерный набор	Вера КОЛЯГИНА
Общественный совет	М. БУРИЛОВА В. ВАСИЛИНЕНКО Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА Т. МЕЛЬНИКОВА С. МОНАХОВА Л. САЛЕЕВА Н. СОЛОВЬЁВА С. ЧЕРЕПАНОВА Ю. ШЕСТАКОВА
Научные консультанты	Т. ЛЕМЕНТОВИЧ Т. МЕЛЬНИКОВА
Фотографии	Е. ГЛЕБОВОЙ, Г. ПЕРШИНОЙ, В. ТОКАРСКОГО, В. СПИДЛЕНА, О. БЕЛЬДЫ, Н. СПИЖЕВОГО

Благодарим Госархив Хабаровского края, Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова и Дальневосточный художественный музей за предоставленные фотографии.

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Телефоны: (4212) 32-73-85, 32-73-42.
E-mail: vvb@fk.khv.ru

Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки — фрагмент нанайского ковра **«Древо жизни».** Автор Л. У. Пассар.
О художнице читайте на 14-й стр. журнала.
На 4-й стр. обложки — фрагмент ульчского ковра. Автор О. Л. Росугбу.

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления

Ольга Бельды
БЕСКОНЕЧНАЯ СПИРАЛЬ ВРЕМЕН
СТР. 2

Татьяна Лементович
ИСКУССТВО НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
СТР. 6

Исследования

Татьяна Мельникова
ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ
СТР. 8

НАНАЙЦЫ

Елена Глебова
ВЕРНЫЕ СТРАЖИ — ДЮЛИНЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ СЕЛА ТРОИЦКОГО
СТР. 10

Ольга Бельды
КАМЛАНИЕ НАНАЙСКОЙ ШАМАНКИ
СТР. 12

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

«Народы и религии мира». Энциклопедия. Научное издательство «Большая российская энциклопедия», Москва. 1998

«Краски земли Дерсу». Хабаровское книжное издательство. 1982

«Древнее искусство Приамурья». А. Окладников. Издательство «Аврора». Ленинград. 1981

Елена Глебова
МИФИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ НА ДРЕВНЕМ СУЦУКУ
Стр. 13

БАБУШКИНО НАСЛЕДСТВО ЛЮДМИЛЫ ПАССАР
Стр. 14

Лариса Бельды
УРОКИ МОЕГО НАРОДА
Стр. 15

Елена Глебова
УСНУВШИЙ ДРАКОН НА БЕРЕГУ ИЗВИЛИСТОЙ РЕКИ
Стр. 16

Владимир Иванов
ЛЮБОВЬ ТАЕЖНЫХ МЭРГЭНОВ
Стр. 18

Константин Бельды
НЕФРИТОВЫЕ БУСЫ
Стр. 20

УЛЬЧИ
Петр Гонтмахер
ЭТЮДЫ О ЛОНКИ
Стр. 22

Владимир Иванов
ЛОДКИ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ
Стр. 24

ЭВЕНКИ
Татьяна Мельникова
ОЛЕНЬЯ СТРАНА ЭВЕНКИЙСКОЙ ДЕТВОРЫ
Стр. 26

Вера Дьячковская
ЦВЕТ НЕБЕС, ЗЕМЛИ И СОЛНЦА В ЭВЕНКИЙСКОМ ОРНАМЕНТЕ
Стр. 28

НЕГИДАЛЬЦЫ
Владимир Иванов
ТАЙНА ВРАЧУЮЩЕГО ОЛЕНЯ
Стр. 29

ЭВЕНЫ
Евгений Трофимов
СОПКА ИКАЛКАН
Эвенская сказка
Стр. 30

УДЭГЕЙЦЫ
Владимир Василиненко
УДЭ - ЗНАЧИТ ЛЕСНОЙ
Стр. 32

Юлия Шестакова
ТИГР И ЧЕЛОВЕК
Удэгейская сказка
Стр. 34

НИВХИ
Николай Спижевой
БАРОМЕТР МУДРОГО КАРХА
Стр. 36

ОРОЧИ
Татьна Мельникова
БЕЛЫЙ ДЕДУШКА
Стр. 38

ЛЮДИ ПРИАМУРЬЯ
Стр.39

Палитра ощущений
Елена Глебова
МАГИЧЕСКАЯ АУРА ДРЕВНЕГО СЕЛА
Стр. 40

Александр Лепетухин
СИКАЧИ-АЛЯН
Стр. 41

Штрихи к портрету
Ольга Иванова
ПОСТИЖЕНИЕ ЭСТЕТИКИ ТАЙГИ
ОБ ИСКУССТВОВЕДЕ КЛАВДИИ ПАВЛОВНЕ БЕЛОБОРОДОВОЙ
Стр. 44

Ольга Бельды
МЕЛОДИИ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ
Стр.45

Светлая память
Елена Глебова
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРОЛЕНКО
ПОСВЯЩЕНИЕ НАРОДАМ АМУРА
Стр.46

Мир без границ
Ольга Бельды
АМУЛЕТ ДЛЯ СЧАСТЬЯ
Стр. 44

Татьяна Мельникова
АЙНСКАЯ ШАМАНКА НА ХАБАРОВСКОЙ ЗЕМЛЕ
Стр. 45

Газета «Культура» основана в 1929 г., выходит еженедельно по четвергам , распространяется во всех регионах Российской Федерации.
Газета «Культура» - это крупное издание, освещающее вопросы зарубежной и отечественной культуры в полном объеме. Выходит на 12 полосах двумя тетрадками. Первая тетрадка - информация, публикации на общественно - политические и социальные темы, публикации по проблемам провинциальной культуры и культуры стран СНГ , вторая - традиционные рубрики газеты: "Событие", «Театр», «Музыка», «Кино», «Палитра», «Краски мира». Выходят сменные полосы газеты: «Мнение», «Позиция», «Провинция», «Окно в Россию».
В газете «Культура» работает высокопрофессиональный штат журналистов, кроме того авторами газеты являются также выдающиеся деятели культуры. Газета «Культура» освещает вопросы культуры в регионах РФ, в странах СНГ, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья, в связи с чем внештатными сотрудниками газеты работают более 150 журналистов.
«Культура» - единственная газета России, сохраняющая трезвый взгляд на истинные культурные ценности.
Учредитель газеты: ОАО "Редакция газеты "Культура".
Должность, Ф.И.О. руководителя: Генеральный директор, главный редактор газеты "Культура", Белявский Юрий Исаакович.
Почтовый адрес: 101484, ГСП, Новослободская ул., 73
Телефон: 285 06 40. Факс: 200 32 25. **Адрес электронной почты:** E-mail: kultura@dol.ru **Адрес в Интернете**: www.kulturagz.ru

БЕСКОНЕЧНАЯ СПИРАЛЬ ВРЕМЕН

Ольга БЕЛЬДЫ,
кандидат культурологии

Мир всё более приходит к пониманию, что наследие – это не только источник ностальгического воспоминания о прошлом, не только возможность эстетического наслаждения произведениями искусства. На рубеже веков формируется новое представление о наследии как одном из важнейших факторов развития современной культуры, выживания народа, его адаптации к условиям быстро меняющейся окружающей среды.

Ещё недавно, когда говорили о наследии, то имели в виду прежде всего материальные памятники истории и культуры – архитектурные сооружения, предметы археологии, этнографические объекты. Вне поля зрения специалистов оставались многие культурные ценности, и прежде всего – исторические технологии, издавна сложившиеся стереотипы поведения, отношение к окружающей среде, традиционные системы ценностей и т.п. До сих пор кое-где сохраняются старые взгляды на национальную культуру, когда ученые или чиновники (за редким исключением) – будучи сами представителями иной культуры – определяют ценность наследия того или иного народа, диктуют место и формы его сохранения, возможности его адаптации к современному образу жизни. Такой подход явно ущербен.

Кялундзюга И. И. Удэгейские ума (охотничий пояс), конихи (ножны) и лади (сумка).
Середина 80-х гг. Ткань, мех, шелк, кожа. ХКМ

Попова О. А. Род. 1976 г. **Древо жизни.**
Ткань, вышивка. Руководитель Киле А. С.
ХГПУ, отделение народов Севера

Традиционная культура коренных народов Севера: прошлое и настоящее

Сегодня уже многие осознали необходимость изменения взгляда на национальное культурное наследие и предпринимают усилия для сохранения и возрождения традиционной культуры с учетом современных реалий.

Предки современных коренных малочисленных народов Севера проживали на территории Хабаровского края с глубокой древности. В предметах материальной и духовной культуры, социальной организации и мифологии, в искусстве и религии коренных жителей Дальнего Востока ранние европейские путешественники и современные ученые отмечали поразительное сочетание сложности и утонченности. Многие элементы культурного наследия нашли отражение в области искусства, музыки, декоративно-прикладного творчества, танцев.

С изменением социально-экономической ситуации изменилась технология традиционных промыслов. К сожалению, приходится констатировать, что многое из традиционного наследия предков современных народов Севера утрачено.

Изменился взгляд на традиционное искусство и декоративно-прикладное творчество коренных народов Севера. Например, сакральный смысл содержания многих орнаментов утерян, но художники и мастера создают новые произведения искусства, основанные на подсознательном в мировоззрении предков и реальном отношении к современным образам, творят произведения, отражающие традиционный и собственный взгляд на окружающий мир. Содержание, особенности стиля, технические приемы позволяют без труда определить изделия нанайцев, негидальцев, ульчей, удэгейцев и др., истоки изумительной красоты и совершенства которых восходят к периоду зари человечества.

По мнению доктора исторических наук Н. В. Кочешкова, к которому присоединяется и автор, на территории Дальнего Востока России едва ли можно указать район, более богатый и насыщенный памятниками художественной культуры, чем Приамурье и Приморье. Эта особенность бросалась в глаза всем исследователям, имевшим возможность побывать, а тем более жить среди нанайцев, нивхов, негидальцев, орочей, удэгейцев, ульчей, эвенов, эвенков.

Древнее искусство коренных народов Амура насквозь пронизано духом орнаментализма. Всё подчинено в нём плавной игре линий и прежде всего бесконечно развёртывающейся спирали, которая служит не только составной частью, но и формообразующим элементом. Существование мощного и экспрессивного искусства и орнаментики амурских племен волновало и волнует многих ученых.

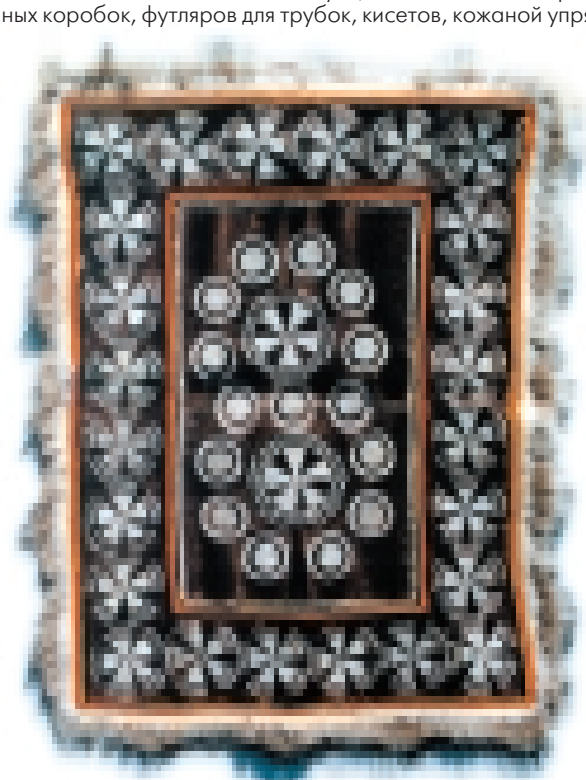
Первопричиной автохтонного феномена амурского искусства является оседлый образ жизни, обусловленный рыболовным хозяйством. Экономическая стабильность существования, прочные устои оседлого проживания создавали человека, отражающего в своем сознании духовные ценности, передаваемые по наследству. Продукты этого сознания и духовного багажа, выразившиеся в искусстве, значительно отличаются от динамического искусства бродячих охотников других регионов, что подтверждается археологическими данными.

В XIX в. в орнаменте нанайцев преобладали простая спираль и изгибающиеся линии, одноосная симметрия и яркая тональность. Широкое распространение в вышивке и украшении изделий из бересты получил довольно крупный криволинейный орнамент, состоящий из разного рода спиралей и завитков, а также розеток, включающих стилизованные изображения птиц, бабочек, рыб, пресмыкающихся. В колорите одежды, обуви, ковров нанайцев преобладали теплые, хорошо подобранные тона, создающие радостную цветовую гамму.

Нанайская скульптура в XVIII — XIX вв. была связана с религиозными ритуалами и изготавливалась только мужчинами. Под руководством шаманов при помощи топора и ножа они создавали деревянные ритуальные изваяния — *сэвэны,* которые, по представлениям нанайцев, являлись вместилищами духов — покровителей, помощников шаманов. Некоторые *сэвэны* носили одежду, сшитую из рыбьей кожи, меха, позже из ткани.

Большое внимание украшению бытовых и ритуальных изделий уделяли нивхи. Деревянная скульптура культового характера украшалась головой медведя, иногда его фигурой или изображениями морских животных, человека, птиц. Женщины орнаментировали одежду, обувь, головные уборы, рукавицы, постельные принадлежности, берестяную и деревянную посуду, а мужчины — жилые и хозяйственные постройки, лодки, нарты, деревянную ритуальную посуду, ножи, колыбели, надгробные домики, костяные игольники. Их орнамент отличался крупными размерами, яркими красками, сложными формами. Ленточный и криволинейный виды орнамента изобиловали различными спиралями и переплетающимися линиями, образующими оригинальные композиции, в которые нередко вплетались стилизованные изображения рыб, птиц, диких зверей.

Мозаика и аппликация из меха и кожи были широко представлены в искусстве эвенков и эвенов. Мужчины украшали орнаментом костяные и деревянные части оленьей упряжи, орудия охоты, трубки, оружие, шаманские бубны. Женщины занимались шитьем одежды и обуви, изготовлением берестяных коробок, футляров для трубок, кисетов, кожаной упряжи и других предметов быта и их украшением. Вышивали свои изделия цветным бисером и оленьим ворсом, вкладывая в их создание много таланта и вкуса.



Сергучева Л. И. Род.1945г. **Ковер.** 1985 г.
Мех, бисер, мозаика. 90х119. Эвены. ДВХМ. Хабаровск

Гоняина З. И. 1932 -1998 гг. **Воротник женский зимний.** 1991 г.
Ткань, мех, вышивка. 48,6х70,5. Нивхи. ДВХМ. Хабаровск

Охлопкова Л.И. Род. 1948. **Сумочка.**
Ровдуга, вышивка; 11,5х18,3. Негидальцы. ДВХМ. Хабаровск

Орнамент в вышивке и аппликации из меха был преимущественно геометрическим, сочетающим ритмические ряды ("арочки", кружки, эллипсы, зигзаги, четырехконечные розетки). Зооморфные мотивы встречались только на предметах шаманского культа — на ковриках, футлярах для бубнов и на скульптурных произведениях малых форм. Этнические традиции развивались в тесном взаимодействии с искусством соседних и дальних народов. Например, в орнаментике эвенков можно найти элементы орнамента якутов, бурятов, народов Амура, чукчей, эскимосов, коряков, ительменов. У русских они научились использовать неизвестные им ранее фарфоровый бисер, цветные нитки, олово, медь. В орнаменте эвенов отразились их тесные историко-культурные связи с другими народами. Подобно юкагирам, эвенкийские женщины для украшения своей одежды, нагрудников и головных уборов широко пользовались серебряными и посеребренными железными пластинками круглой формы. Парные спирали и лирообразные фигуры эвенкского орнамента роднят его с якутской орнаментировкой степняков-кочевников тюрко-монгольского происхождения. Амгуно-удские эвенки широко использовали в своем искусстве мотивы характерного для нанайцев криволинейного орнамента.

Своеобразное искусство негидальцев, живущих по берегам рек Нимилен и Амгунь, восхищало многих исследователей. А. Ф. Миддендорфа восхитило творчество этноса, тонкий художественный вкус и удачность исполнения симметричных узоров при помощи небольшого ножа. Поразили его также кисеты из выделанной тюленьей шкуры, футляры для ножей, сделанные из хвоста рыбы, и изделия из бересты.

Этническое своеобразие декоративного искусства негидальцев заключалось в умении женщин вышивать блестящими белыми нитками, приготовленными из внутренней кожи главной артерии северных оленей и лосей. Кайма к изделиям из кожи (к футлярам для хранения огнива и трубки, к кошелькам и сумочкам) подбиралась очень удачно из самых

Еюка Т. М. Род.1920 г. **Ковер. 1988 г.**
Ткань, аппликация; 158,6х121,8. Ульчи. ДВХМ. Хабаровск

нежных перьев красивых птиц, разнообразные чучела которых умели делать негидальские охотники.

Жилище, одежда, обувь, предметы обихода ульчей также были богато украшены орнаментом, по технике исполнения и формам похожим на нивхский. Нары в доме были покрыты циновками, на которых лежали длинные подушки призматической формы. В интерьере старинных ульчских зимников, описанных известным исследователем С. В. Ивановым, орнаментальные деревянные столбы занимали ведущее место, образовывали каркас жилища и украшались спиралевидными узорами.

В XVII — первой половине XIX вв. существовавшее на Амуре самобытное искусство, реалистичное в своей основе, несло в себе богатые этнические традиции, отражавшие интересы, устремления и творческую фантазию охотников и рыбаков. Значительный вклад в искусство народов Амура внесли их соседи — эвенки. Так, наряду с переработанными старыми формами и сюжетами более позднего происхождения в искусстве нанайцев, ульчей, ороков, орочей и удэгейцев можно увидеть типичную для эвенков трактовку и характеристику животных. Таковы у нанайцев, как и у эвенков, берестяные или бумажные детские игрушки в виде силуэтов животных и человека. Кроме того, у них бытовали амулеты от болезней, вырезанные из рыбьей кожи и изображающие всадников, птиц, пресмыкающихся.

Характерный для эвенков берестяной трафарет проник и в искусство других народов юга Дальнего Востока. Роль его была двоякой. В одних случаях он употреблялся в качестве шаблона и после использования выбрасывался, в других — наклеивался на кожу или материю и зашивался цветными нитками в технике глади.

Наиболее ярко элементы древнего эвенкийского искусства выступали в резьбе по дереву. На столбах и балках некоторых нанайских домов конца XIX — начала XX вв. можно было видеть отдельные плоскорельефные фигуры животных; иногда они составляли несложную композицию. Таковы, например, фигуры кабана, оленя, сцены погони собаки за кабаном или зайцем, охоты на медведя и т.д. У удэгейцев и орочей реалистические изображения животных встречались на принадлежностях шаманского облачения, на берестяных коробках для хранения шаманских атрибутов, среди охотничьих магических фигурок из бересты и в детских игрушках.

Влияние русской культуры со второй половины XIX в. нашло отражение в том, что старинные зимние дома без настила и потолка уступали место рубленым домам, менялось и внутреннее убранство жилища. Большие изменения произошли в одежде. В результате этнические традиции в искусстве, оставаясь в своей основе самобытными, начали приобретать новые черты. Так, некоторые нанайцы стали носить вышитые рубашки русского и украинского покроя. На традиционных женских халатах можно нередко увидеть кайму из русской кружевной тесьмы и т. п.

Ульчи также охотно заимствовали русскую одежду. В начале XX в. некоторые мужчины носили сапоги, вышитые рубашки-косоворотки, картузы, украшенные орнаментом. Женщины были более консервативны и продолжали носить традиционные левополые халаты. Лишь некоторые из них приобретали легкие головные платки и кожаные сапоги.

В домашнем производстве нивхов стали появляться различные плотничьи и столярные инструменты, широкое распространение получили срубные дома, русские ткани, нитки, одежда.

Современные национальные художники получили высшее и среднее профессиональное образование в учебных заведениях Санкт-Петербурга, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, которое отразилось в их изобразительном творчестве. Признанными мастерами живописи стали А. Бельды, А. Дятала, А. Гейкер, С. Гурка, С. Надеин. У них и у мастеров декоративно-прикладного творчества (Е. А. Киле, И. И. Дункай, Н. У, И. Росугбу, Л. Надеина, Л. У. Пассар, Л. Г. Бельды, В. Л. Самар, Ю. Д. Самар, Л. Ф. Самар, А. Донкан, М. Кялунзига, Н. Д. Дуван и многие другие) появился дар, который помог им создать такие произведения, сохранить в своем творчестве этнические традиции, проявившиеся в исключительной зрительной памяти, наблюдательности, способности художника охватить наиболее характерное и передать его в развитом чувстве цвета, в определенном ритме, поэтическом восприятии мира.

Появление и развитие новых материалов, тканей, нитей, технологий обработки материалов привело к изменению традиционных технологий, расположения орнамента на изделиях. Например, как и прежде, нанайские мастерицы, украшая вещи аппликацией, используют швы, соединяющие детали, скроенные по дуге. Они не только прочны, но и красивы. Для прикрепления деталей орнамента в традиционной аппликации из рыбьей кожи использовали мелкие скользящие стежки. Рыбья кожа позволяла, не лохматясь и не растягиваясь, вырезать орнамент в виде узкой полоски, образующей разнообразные завитки. С конца XIX — начала XX вв. мастерицы всё чаще стали использовать для аппликаций ткань, которая требовала широкой линии. При этом стал использоваться двойной тамбурный шов, который кроме чисто технической, крепежной функции приобрел и декоративное значение.

Трансформация произошла и с семантикой орнамента, перешедшего при копировании с ритуальных (свадебных) вещей на праздничные, повседневные. Если на ритуальных вещах орнамент носил характер оберега, то на бытовых он все более приобретает декоративную функцию. Благодаря бережному отношению к эстетическим традициям, орнамент не меняется коренным образом, он продолжает нести прежние функции, связывающие человека с его родословной, корнями, народом.

Язык, орнамент, песня являются важнейшими элементами национальной культуры.

Различие между искусством Запада и Востока уходит в самую глубину художественного творчества — в мироощущение художника. Корни этих отличий надо искать в экономике и образе жизни, идеологии, традициях, унаследованных от предшественников. Академик А. П. Окладников замечал, однако, что в специфических местных формах отразились на Дальнем Востоке те же основные закономерности эволюции художественного стиля и мышления, которые выявлены на Западе.

Основы мировоззрения, системы верований, складывающихся тысячелетиями, остаются в памяти народа и по сей день, но постепенно уходят их носители. Много проблем остается также в семантике изображений, и, возможно, эти загадки откроются при попытках их математического анализа и компьютерной обработки.

В материале использованы фотографии экспонатов, любезно предоставленные Дальневосточным художественным музеем и Хабаровским краевым краеведческим музеем.

Корзина квадратная. Начало XX в.
Береста, ива, резьба. Орочи. ХККМ

Самар А. К.
Корзина круглая. 1991 г.
Береста, ива, резьба. Нанайцы. ХККМ

Фото В. ТОКАРСКОГО

Современное социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Севера

В настоящее время в Хабаровском крае живут представители более 30 национальностей. Для восьми из них край является территорией исконного проживания и природопользования. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность коренных народов в крае составляла 23,5 тыс. человек — 1,3% всего населения.

За годы советской власти к традиционным отраслям хозяйствования — рыболовству, охоте, оленеводству — добавились народные художественные промыслы, промышленность, лесозаготовки и др. Были подготовлены кадры интеллигенции: ученые, врачи, учителя, деятели культуры и искусства (художники, писатели, профессиональные артисты) и др.

Политика ускоренного промышленного освоения районов Севера и интенсивного включения коренных народов в единую общехозяйственную систему страны отрицательно повлияла на здоровье, демографические процессы и воспроизводство коренного населения, привела к утрате многих элементов их традиционной культуры, обострению социальных проблем.

Изменился статус малочисленных народов Севера в России и за рубежом, закрепленный в законодательном порядке в правовых актах и документах. Он складывается из системы прав и гарантий; лица, принадлежащие к указанным народам, обладают тем же объемом прав и гарантий, что и иные граждане России. Специфика положения этносов требует установления дополнительных прав, создающих предпосылки для их физического равенства с другими нациями и народами; защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера — предмет совместного ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти республик, краев, областей и автономных округов, что, в свою очередь, обусловливает двухуровневое — федеральное и региональное — регулирование рассматриваемых отношений; новые политические и социально-экономические реальности (обретение Россией статуса суверенного государства, переход к рыночным отношениям, политический плюрализм, открытость общества и ориентация на общечеловеческие ценности и др.), а также установление статьи 69 Конституции Российской Федерации о том, что "Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации", диктуют иные, чем прежде, подходы к решению проблем малочисленных народов.

Существенные недостатки имеются в деле подготовки национальных кадров. Дети северян, живущие в интернатах, ничего не знают сегодня о родном искусстве, уроки труда там проходят в полном отрыве от жизни, а уроки рисования доверены неподготовленным людям. Закрылись отделения народов Севера в Хабаровском государственном медицинском университете, педагогическом университете, училищах. Никто не готовит юристов, экономистов, бухгалтеров, специалистов по рыбодобыче, деревообработке, водителей, механиков, программистов, техников и пр. специалистов из числа КМНС. Это приводит к тому, что резко тормозится развитие национальной культуры и искусства.

Сегодня необходимо добиться того, чтобы все без исключения народы Дальнего Востока были приобщены к бесценным сокровищам национального художественного творчества. Прежде всего — это забота как местных, так и центральных органов власти, работников музеев, библиотек, ученых, искусствоведов, а также самих носителей культуры.

Осознание важности сохранения исчезающих культур аборигенов, страдающих от экспансии западной культуры, побудило ООН объявить в 1993 г. Международный год коренных народов мира, а в 1994 г. — Международное десятилетие коренных народов мира. В этой связи изучение традиционной и современной культуры коренных народов Дальнего Востока России приобретает не только научное, но и, главное, высокое гуманистическое звучание. Ибо исследование самобытных и неповторимых культур аборигенов Севера Дальнего Востока как составной части общечеловеческой культуры связано с магистральными этико-нравственными проблемами современности — сохранением этнического разнообразия мира, его возрождением и дальнейшим развитием.

О творческом развитии лучших традиций следует заботиться так же бережно, как о природной среде, которую, как и народное искусство, мы обязаны передать нашим потомкам. Сберечь традиции — это вовсе не значит вырвать их из естественного развития. Механически скопировать, законсервировать. Главное в этом процессе — проблема наследования мастерства от поколения к поколению. Лучшие этнические традиции должны быть поняты и близки не единицам, а всему народу, ибо основным законом развития народного искусства всегда были и будут традиции и коллективность.

В последние годы разработаны и приняты к исполнению законы, федеральные и региональные целевые программы, которые в обозримом будущем должны привести к существенному улучшению положения этих народов, в том числе и в Хабаровском крае. Активную роль в позитивных процессах преобразования, безусловно, необходимо сыграть самим носителям древних культур, привносящим в традиции свои взгляды на мир, свою этнопсихологию, направленные на сохранение мировоззрения, целостности национальной культуры, при необходимости отстаивая свои права, декларированные на международном, государственном и региональном уровнях.

Фото В. ТОКАРСКОГО

Татьяна ЛЕМЕНТОВИЧ,
искусствовед

Искусство

НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Традиции и новации

Кялундзюга И. И. 1929 – 1997 гг.
Халат женский праздничный. 1986 г.
Ткань, металл, вышивка; 105,5 х 148,6. Удэгейцы. ДВХМ. Хабаровск

Бельды Л. Г. Род.1954 г.
Халат женский свадебный. 1992 г.
Ткань, вышивка; 108 х 106. Нанайцы. ДВХМ. Хабаровск

Традиции и новации, мифические образы далекого прошлого и наша современность удивительно органично соединяются в сегодняшнем искусстве народов Приамурья — нанайцев и ульчей, нивхов и удэгейцев, эвенов, эвенков и негидальцев.

Аборигены издревле поклонялись солнцу, дающему жизнь всему живому на земле. Они изображали солнце в образе небесного оленя или туго скрученной спирали. Одухотворение природы и поклонение ее животворящим силам во имя сохранения и продолжения рода человеческого привело древний народ Амура к созданию своеобразного орнаментального языка, эстетическая сила и мощь которого признана всем культурным миром.

Без традиций нет истинной национальной культуры, нет высокого искусства, нет и личности творца. В традициях, в творчестве многих поколений мастеров живут особенности переживания и восприятия мира, народное понимание жизни как высшей ценности. Художник-мастер является необходимым связующим звеном между прошлым и будущим своего народа.

Известные и признанные мастера старшего поколения из старинных национальных центров (с. Булава, с. Гвасюги, с. Арка) донесли до нас непреходящую и волнующую эстетику своего народа. Национальный ритуальный костюм и его атрибуты, текстильные и меховые ковры, богато орна-

Лариса Бельды, потомственная вышивальщица, утверждает в своем творчестве лучшие достижения женского амурского искусства. В создании национального костюма и его атрибутов она обращается к канонам, выработанным предками на протяжении многих столетий, тщательно реконструирует традиционную форму, по крупицам собирает мотивы древних рисунков, бережно сохраняет цветовую и орнаментальную семантику.

Лиханов И. Д. «Камни Сикачи-Аляна». Холст, масло

Творчество Ильи Лиханова – явление неординарное в традиционной дальневосточной культуре. Он получил профессиональное образование в Ленинградском институте им. А. Герцена. Усвоив изобразительный язык европейского искусства, художник использует его не как застывший образец, готовую форму, но как творческий созидающий метод. В небольших по размеру живописных работах – живой и убедительный мир, созданный художником, полный первозданной силы и поэзии. Художник тонко чувствует почти трагическую контрастность цвета Приамурья: пылающую синеву неба, иероглифичность черных веток деревьев, всепоглощающую летнюю зелень, космичность пространства.

Лиханов И. Д. Из серии «Ночные бабочки». Бумага, гуашь

У Н.Н. Род.1958 г. **Женская фигура.** По мотивам культовой скульптуры. 1994 г. Дерево, резьба; 10х4х2,5. Нанайцы. ДВХМ. Хабаровск

У Н.Н. Род.1958 г. **Шаманка.** 1994 г. Дерево, резьба; 26,5х9х4,3. Нанайцы. ДВХМ. Хабаровск

Николай У возродил ранее почти утраченную национальную традицию мужского искусства резьбы по дереву. Тонкое чувство материала, формы и ритма, умение выявить декоративные свойства дерева придают его работам трепетность и пластическую завершенность. Используя традиционную образность, шаманскую символику, художник наполняет их личным эмоциональным содержанием. Обобщенные архаичные формы и знаковость, присущие пластическому языку его скульптуры, получили своеобразное выражение в графике.

ментированные, украшенные изящной вышивкой шелком и бисером, отражают праздничное мироощущение народов Приамурья. Вершиной амурского народного искусства является орнамент, в знаках и образах которого воплощены древнейшие представления о космосе, мире и человеке. Сакральный, тайный смысл орнамента для нас утрачен, но его высокая эстетика волнует и приобщает к духовным ценностям традиционной культуры.

Высокий уровень народного искусства коренится в самой традиции, в ее устойчивых, отточенных многовековым развитием принципах. При переходе от традиционных форм творчества к профессиональному искусству, основой которого являются индивидуальные формы, на первый план выдвигается личная одаренность художника.

Лариса Бельды (с. Джари), Николай У (с. Джари), Илья Лиханов (с. Сикачи-Алян) живут, работают, растят детей на земле своих предков. Художники эти очень разные, но их объединяют любовь к своему народу, знание его истории и традиций. Каждый из художников творит свою легенду, сказ о своем маленьком, но древнем народе.

На сегодняшний день проблема преемственности в современном аборигенном искусстве наиболее актуальна. Не потерять эстетические и нравственные ценности, сконцентрированные в народном искусстве, утвердить их значимость — это значит жить и творить во времени.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук,
главный хранитель фондов ХККМ

Птица куан из экспозиции Хабаровского краеведческого музея. Удэгейцы. Вторая половина XIX века. Сборы В. К. Арсеньева в 1911 году. Фото В. Спидлена.

«Кукушка – это нянька в природе». Рисунок А. Д. Оненко, опубликован в книге «Древний свет» (Хабаровск, 1990 г.)

В традиционной культуре коренных народов Приамурья птицы играют очень важную роль. Мифологическая картина мира эвенков, нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей начинается с сотворения суши птицей.

Священный шест, воздвигнутый для защиты деревни Тэпён-Ри (провинция Кан Вон До, Республика Корея)

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

"Много-много лет летал в небе орел *кякчан*, — повествует нанайская легенда о начале мира, — совсем выбился из сил и пясть земли добыл с островка, где сидела старушка — богиня Земли. Комочки земли, выпущенные орлом из когтей и упавшие в или, сказочным образом преобразились: где комочек побольше бросил — там гора появилась, где поменьше — там холмик..." **(из научной работы Шаньшиной Е.В. "Традиционные представления о происхождении Земли и человека у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России").**

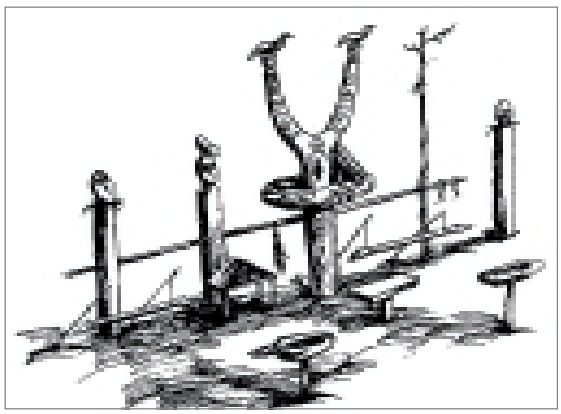
Орел *гусэтэ* — священная птица у эвенов. Люди были благодарны ему за мир, в котором они жили. Эвенская легенда так повествует о легендарных событиях начала истории: "Создатель землю создал. В то время была не такая, как сейчас: одни камни горелые и песка даже не было. Где его взять? Надо за песком на самый край света добираться. Бог вызывает *гусэтэ* — орла:

— Ну-ка слетай за песком. На чем ты его притащишь — не мое дело. Чтоб был песок, и все тут.

Орел улетел на край земли. Увидел там песок. Перья над копчиком поднял, песок туда, как в коробочку, насыпал. Обратно прилетел, принес песок. Взял его Бог и рассыпал по зеле. Где были камни — образовались холмы, и на них лес вырос, тайга.

Вот почему эвены не убивают орла. Грех это. Гнездо орла нельзя разорять — орел этого не простит. Если орел убитого оленя расклевал и оставил перо из своего хвоста (сам бросил одно перо в благодарность за пищу), то человек, нашедший это перо, всю жизнь будет богатым" **(из книги "Древний свет: сказки, легенды, предания народов Хабаровского края").**

В удэгейском предании сушу сотворила утка: "Вселенная очень давно представляла собой море с единственным крошечным островком, на котором жила злая старуха. Однажды на остров опустилась чудесная утка (небесная утка *ба гая*) и прожила на нем семь лет. На восьмой



«Шаманские деревья» орочской шаманки Марии. Копия С. В. Березницкого с рисунка российского этнографа Б. А. Куфтина

Птица коори. Вторая половина XIX века. Нанайцы. Дерево, ткань. Музей средней школы села Сикачи-Алян

год старуха прогнала утку. При взлете утка захватила немного земли и стала разбрасывать ее в море. Бросит побольше — получится целый материк, поменьше — остров..." **(из научной работы Шаньшиной Е.В.).**

В нивхской мифологии роль творцов земной тверди в одном случае отдана синицам, в другом — уткам разных пород (чирок, широконосая кряква). "Сперва была только вода. И утка-чирок плавала в воде. Утке было необходимо снести яйцо — но куда? — яйцо ведь потонет. И тогда утка выщипала с груди перья и пух, свила гнездо. В гнезде снесла яйца. Из яиц вылупились утята. Они выросли, свили каждый себе гнездо. Гнезд было много — они соединились в остров. На острове выросла трава, кусты, разные деревья. Деревья и кусты роняли на остров листву, хвою. Остров стал землей" **(из научной работы Шаньшиной Е.В.).**

У негидальцев сохранился фрагмент мифа о птице гагаре, доставшей со дна моря песчинку, которая выросла и превратилась в землю.

По представлениям коренных народов Приамурья, птицы не только сотворили землю, но и растительность. В удэгейском фольклоре роль помощника человека и творца растений отводилась сороке и ворону. Согласно сказке "Егдыга" герой тяжело заболел, поранив ногу стрелой, когда вытаскивал ее из убитого железного орла *дикпу*. Через ворона Егдыга передал весточку своим родителям. "Канда Мафа со старухой стали всяческие целебные травы собирать, почки с деревьев рвать. Полетел ворон с целебными травами к Егдыге. По пути понемногу на деревьях разложил, на ветку черемухи, на ветку кедра... Совсем немного Егдыге принес. Тот всеми травами стал понемногу лечиться. Выздоровел. Пошел на охоту, убил лося, потом позвал ворона и сказал:

— Ворон, один это мясо ешь, ни вороне, ни крысе не давай" **(из книги "Древний свет")**.

В нанайской мифологии семена деревьев, мхов, кустарников, трав и цветов разнесли утка, тетерев, синица и ворон.

Орлана-белохвоста *кяоса* и лебедя *кухи* удэгейцы считали близкими к Небу и Солнцу, а гуся *нунгни* — способным понимать речь человека. Гагару и баклана они называли *тэму гахани*, то есть птицами косатки (хищное морское животное, которое уподобляли хозяину моря). Их причисляли к духам морской стихии. По представлениям удэгейцев, они олицетворяли благополучие и счастье. В кукушке *кэку* видели покровительницу женщины-матери, предсказательницу будущего. Кроме того, удэгейцы полагали, что кукушка относит душу усопшего в загробный мир. Нанайцы считали, что кукушку сотворил добрый дух Хадо и видели в ней ласковую няньку природы, от голоса которой распускаются все травы и листья.

У нанайцев существовал запрет на убийство лебедей. Судя по фольклорным произведениям, в них видели превратившихся в птиц людей. С коршуном *пичуэн* связывали нанайцы происхождение рода Самар.

Орочи объясняли плохие сны людей ночными криками выпи. Крик вороны вечером или ночью удэгейцы считали приглашением женской души *ханя* знакомому человеку навестить ее. В культуре нанайцев ворона была олицетворением злой силы. Ей приписывали затмения Солнца и Луны — якобы, именно ворона проглотила эти светила. Чтобы их спасти, нанайцы призывали ворону ударами по звонким предметам (сухое дерево, ведро, бубен), обещая угостить ее излюбленным лакомством — головками щенят. Кстати, китайцы тоже считали ворону опасной птицей, предвестницей несчастья. Но появление во дворе сороки их наоборот радовало и предвещало счастливое событие.

До 30-х годов нанайцы, ульчи, нивхи, негидальцы, орочи украшали носовые части своих лодок изображениями голов водоплавающих птиц: уток, гагар, лебедей.

Немаловажная роль была отведена птицам и в шаманстве коренных народов Приамурья. Около жилищ удэгейских шаманов перед изображением главного духа-защитника стояли две или три лиственницы без сучьев с кольцевыми вырезами на коре и деревянной птицей *куан* на верхнем конце. На ней шаман посылал своего духа-помощника на борьбу с "чертом" и летал сам. Одновременно птица *куан (гаха-куа)* служила жертвенником для сжигания сухих листьев багульника перед началом камлания.

На вершинах, сучьях и развилках ульчских шаманских столбов *дарун (туру, тури)* вырезали изображения духов-помощников шамана, среди которых также были птицы — филин *уксара*, орел, коршун, ворона. В образе именно этих птиц чаще всего ходил ульчский шаман по разным сферам мира. Нередко ульчские шаманы помещали на вершине столбов деревянную фигуру фантастической птицы, загнутый клюв которой был похож на крючок для лова калуги и осетра.

Орочские шаманы на столбах *ту* для жертвоприношения духам-помощникам и духу-покровителю помещали пару кукушек *коку*, пару маленьких кукушек *киоки* или *топто*, пару неизвестных птиц *обиби (обеби)* и на самом верху пару птиц *коори* — самца и самку. Их вырезали из дерева в виде орла или утки. Выполненное из ровдуги изображение мифической птицы *коори* венчало шапку орочского шамана во время обряда поисков души заболевшего человека *ханява (ханяла)*. В целом *коори* считалась злым духом и мыслилась орочам в виде огромной железной птицы. Однако словом *коори* они называли и огромного мифологического орла. Орочи связывали с птицей *коори* обретение охотничьего счастья, которое можно было передавать из поколения в поколение.

Нанайцы и ульчи считали, что на *коори* касаты-шаманы возвращались из загробного мира *буни (були)* после доставки туда умершего человека.

Интересно, что нанайское, ульчское, орочское слово *коори* схоже с эвенкийским *кэре*, маньчжурским *кэру*, которые означают реальную птицу — ворона. Практика вознесения изображений птиц на верхушки деревьев существовала и у соседних с нанайцами, удэгейцами, орочами народов. Так, испокон веков корейские крестьяне для защиты своей деревни воздвигают священные шесты, на вершинах которых установлены скульптурные изображения уток. До настоящего времени в Корее сохраняются представления, что эти водоплавающие птицы, символизирующие процветание и изобилие, клюют злых духов и отгоняют их от деревни.

НАНАЙЦЫ

Нанай, нани (самоназвание – “местный”, “здешний человек”, “человек этой земли”), гольды (устаревшее название).

Живут по нижнему течению реки Амур и правым притокам реки Уссури в Хабаровском крае и Приморском крае РФ. Численность в России – 10,5 тыс. человек. На территории Хабаровского края – 10 771 человек (по данным переписи 1989 г.). Часть нанайцев – хэчжэ – живет в Китае между реками Сунгари и Уссури. Говорят на нанайском языке тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи. Имеются диалекты (или наречия), говоры. Письменность на русской графической основе.

В этногенезе нанайцев участвовали потомки древнего амурского населения и различные тунгусоязычные, маньчжурские, тюркские и другие элементы.

Основные традиционные занятия – рыболовство и охота. Передвигались на лодках (дощатых, долбленых, берестяных), зимой – на лыжах и на нартах. Металл, дерево и кость обрабатывали мужчины. Женщины выделывали шкуры, шили одежду и обувь, вышивали, плели корзины, циновки и пр.

Жили оседло (некоторые поселения существовали десятки и сотни лет). Жилища – большие дома на деревянных каркасах с двускатной крышей и отапливаемыми нарами. Позже – рубленые избы, в тайге и на рыбалке – шалаши.

Со второй половины XIX века нанайцы принимали православие, однако сохраняли традиционные верования в духов, шаманство и др.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ СЕЛА ТРОИЦКОГО

ВЕРНЫЕ СТРАЖИ – ДЮЛИНЫ

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Наверное, совсем не случайно у входа в этнографический музей села Троицкое – центра Нанайского района – стоят дюлины – его верные стражи. Они пропускают того, кто пришел в небольшой деревянный домик, где за дверями открывается тихий и загадочный мир.

Вообще-то, к ритуальным фигуркам из дерева — сэвэнам нанайцы всегда относились с долей осторожности. Потому что были уверены: в них находится мощная магическая сила. Но дюлины — совсем другое дело. По поверью, это добрые духи — хранители домашнего очага. Поэтому их ставили внутри жилища или недалеко от него.

В 2000 году музею исполнилось 25 лет. Музейная коллекция в основном сформировалась в первые годы. И хотя многое к тому времени было уже безвозвратно утрачено, удалось собрать немало интересных предметов быта нанайцев, а также ритуальные вещи, связанные с древними обрядами. Среди экспонатов музея есть на самом деле интересные этнографические находки. Например, свадебный халат *сикэ*, который относится ко второй половине XIX века. Сотрудники говорят, что тончайшая вышивка на этом халате уникальна, подобное мастерство уже давно утеряно. Не менее интересны халат из рыбьей кожи, обувь из рыбьей кожи и шкуры зверя, орудия охоты, предметы интерьера, кухонная утварь.

Жаль, что помещение Троицкого музея небольшое и показать все накопленное за четверть века богатство не представляется возможным. Хотя в запасниках есть немало интересного исследовательского материла по истории сел Нанайского района, а также уникальных предметов, приобретенных в последние годы. Например, любопытная коллекция сэвэнов, привезенная из села Найхин. Или костюм удэгейского шамана, который долгие годы пылился в каком-то сундуке и, возможно, не представлял для хозяев исторической ценности. Именно поэтому сотрудники музея время от времени отправляются в экспедиции по окрестным деревушкам. Потому что знают: немало этнографического материала хранится на чердаках старых домов. А вообще-то, возникает немало трудностей с приобретением вещей для музейной коллекции. Главная проблема — конечно же, деньги. Хорошо, что местная администрация иногда выручает. Именно таким образом музею удалось купить старинные женские серьги и бронзовое шаманское орнаментированное зеркало *толи.* Настоящая редкость, заметила нынешний директор Троицкого этнографического музея Лариса Пассар.

Когда в село приезжают туристы, как правило, они отправляются в музей. А где, как ни здесь, можно узнать все о Нанайском районе, о людях, живших здесь столетия назад, и о тех, кто делал современную историю. Экспозиция музея о многом расскажет. Археологические находки, которые ученые отнесли к эпохе неолита, древнее жилище нанайцев, предметы их быта, первые книги, первый букварь на русском языке, первые колхозы...

Сегодня мы по-разному смотрим на тот или иной период жизни. Впрочем, с высоты прошедших лет всегда легче давать какие-то оценки. Конечно, вторжение в культуру и жизненный уклад коренных народов Приамурья не прошло для них бесследно. Слишком многое утеряно, слишком многое забыто. Но в то же время духовное наследие этих народов пережило все всплески исторических событий и не кануло в лету. Художники и мастера продолжают традиции предков, но придают своим произведениям иное осмысление, современное звучание. Сегодня в Троицком живут и работают члены Союза художников России Лариса Бельды, Елена Киле, лауреат международного фестиваля, участник российских и международных выставок декоративно-прикладного искусства Николай У, самобытный мастер, работающий по бересте, Юрий Актанко и многие другие. Их творчество — особый штрих к современному портрету народов Амура.

КАМЛАНИЕ нанайской шаманки

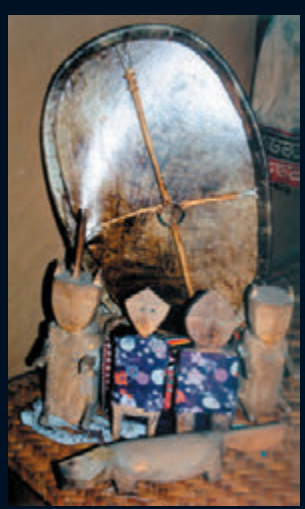
Ольга БЕЛЬДЫ,
кандидат культурологии
Фото автора

В последнее время отмечается, что заметно возрос интерес к шаманству, шаманизму и иным ранним религиозным верованиям народов мира, а также к различным ритуальным, духовным, шаманским практикам. Интерес обусловлен стремлением к постижению сути шаманизма и иных ранних верований и практик, для выявления их значения в формировании культуры этносов, этногенеза и возможного практического применения наряду с официально признанными методиками народного целительства. Многие исследователи полагают, что шаманизм является наиболее древней и универсальной религией всего человечества, основанной на анимистических воззрениях. Он в разных формах и под разными названиями был обнаружен на всех континентах и у всех народов земли со времен палеолита и неолита.

Проблемы нанайского шаманизма привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей, что нашло отражение в многочисленной опубликованной литературе по данной теме. Высок интерес исследователей и к личности шамана, его экстрасенсорным способностям, взаимоотношениям с окружающими людьми, предметами и природой. Шаманы – это лица, обладающие экстрасенсорными способностями, выполняющие функцию посредника между обычными людьми и духами – сверхъестественными существами, населяющими другие миры, пространство и время.

В настоящей статье автор приводит текст камлания нанайской шаманки Минго Чусэнбовны Гейкер, жительницы села Найхин Нанайского района Хабаровского края. Следует отметить, что ни одно камлание шаманки не было похоже на другое и носило конкретный характер, чаще всего было предназначено для лечебных целей.

Третье камлание нанайской шаманки на американской земле проходило на острове Уидби (штат Вашингтон) 3 июня 1994 г. Перед шаманкой был установлен стол, на котором находились поднос со стаканами, наполненными водой, водкой и водой с *сэнкурэ* (багульником болотным).



В течение камлания и церемонии автор ассистировала шаманке, подавая по ее просьбе ритуальные принадлежности (шаманский пояс *янгпа,* бубен *унчху,* палку *гисол*), стаканы с напитками.

В начале камлания шаманка сидела, затем запела, ударяя в предварительно нагретый бубен палкой и выбивая ритм. В течение камлания, продолжавшегося около двух часов, она поднималась и танцевала, надев пояс *янгпа* и аккомпанируя себе игрой на бубне. Танец сопровождался непрерывным пением.

Ниже приводится перевод с нанайского языка на русский.

ТРЕТЬЕ КАМЛАНИЕ
Минго Гейкер

ОТЦЫ И МАТЕРИ! ПОДНИМАЙТЕСЬ! ХОДЖЕР- ОТЕЦ, ХОДЖЕР- МАТЬ, СЛУШАЙТЕ МЕНЯ. Я НА АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ. НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ЗЛЫМ ДУХАМ НАНЕСТИ НАМ ВРЕД, ПУСТЬ АМБАНИ НАС НЕ ТРОНУТ. ТАКИХ, КАК ВЧЕРАШНИЙ ЧЕЛОВЕК, НЕ ПОДПУСКАЙТЕ К НАМ, ПУСТЬ ОНИ НЕ КАСАЮТСЯ НАС. ТО, ЧТО ХОТЕЛ ВЧЕРА ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПУСТЬ НЕ КОСНЁТСЯ НАС. РАБОТАЙТЕ НАД ЭТИМ НЕУСТАННО ДО САМОГО НАШЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ. ПУСТЬ ЗЛЫЕ ДУХИ НЕ ПРЕСЛЕДУЮТ НАС И ВСЕХ ЗДЕСЬ ПРИСУТСТВУЮЩИХ. К ЗЛОМУ ДУХУ ОТНОСИТЕСЬ КАК ОН ТОГО ЗАСЛУЖИВАЕТ.

ПАССАР- АМА, ЭТА ЗЕМЛЯ БЕЗ ЗЛА, ЛЮДИ ЗДЕСЬ ХОРОШИЕ. ПУСТЬ ИХ НЕ КОСНЁТСЯ ЗЛОЙ ДУХ, ПУСТЬ ОН НЕ ПРОГЛОТИТ НИКОГО ИЗ ДЕТЕЙ И ВСЕХ НАШИХ ДРУЗЕЙ.

ХРАНИТЕ НАС ДО САМОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ. Я БУДУ КАМЛАТЬ И ПЕТЬ ДЕНЬ И НОЧЬ.

РАБОТАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО И СТРАСТНО.

МОРСКОЙ ТОРО МОЙ. У ЕГО КОРНЯ СТОИТ МОЙ ХРАНИТЕЛЬ. ВЧЕРАШНЕГО ЧУЖАКА НАМ НЕ НАДО. ВСЕХ ЗДЕСЬ ПРИСУТСТВУЮЩИХ ОБЕРЕГАЙТЕ ОТ НЕГО. ОН НАС БОИТСЯ, УШЁЛ.

НИКОГДА НЕ БУДЕМ ПОКЛОНЯТЬСЯ ЗЛОМУ ДУХУ. ОБЕРЕГАЙТЕ НАС ОТ НИХ.

СЕНДУРА, ВОЗЬМИСЬ ЗА ДЕЛО. ЗЛОЙ ДУХ ХОТЕЛ НАС ОБМАНУТЬ.

ОТЕЦ МОЙ, Я ЭТО ДАВНО ПОНЯЛА. ОХРАНЯЙ МЕНЯ И ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ СО МНОЙ.

ПУСТЬ ЗЛОЙ ДУХ НЕ КОСНЁТСЯ НАС. МЫ ЕЩЁ ПОЕДЕМ НА ДРУГОЙ ОСТРОВ, ПОТОМ ВЕРНЁМСЯ В СИЭТЛ. ДАЙ НАМ ХОРОШЕЙ РАБОТЫ И ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ. ВСЕХ ЗДЕСЬ ПРИСУТСТВУЮЩИХ ОБЕРЕГАЙТЕ.

КИЛЕ-ЭНИЭ, КИМЛЕ- АМА, ОБЕРЕГАЙТЕ МОЮ ДОЧЬ, МОЕГО МУЖА, МОЮ СОБАКУ И ДОЧЕРЕЙ, КОТОРЫЕ СО МНОЙ.

ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ! УЛЕТАЙТЕ! УЛЕТАЙТЕ! УЛЕТАЙТЕ! ВЫШЕ ОБЛАКОВ, ВЫШЕ ЗВЁЗД.

Увесистый камень на первый взгляд кажется обычным булыжником, если бы не отверстие посередине. Присмотревшись, на его бугристой поверхности можно разглядеть тонкую сетку рисунков. Вот человек, бегущий с копьем, вот – раненый лось. Этот камень находится среди экспонатов музея школы-интерната села Найхин Нанайского района, где уже несколько лет существует детский музейный коллектив со своими экскурсоводами и хранителями.

Мифический сюжет

НА ДРЕВНЕМ СУЦУКУ

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора и Николая СПИЖЕВОГО

Местные мальчишки нашли камень где-то на окраине, почти у самого берега Амура, а учитель истории Максим Петрович Бельды и сегодняшний директор музея объяснил им, что подобные камни когда-то использовались в качестве жерновов или как грузила для рыбацких сетей. То, что находка действительно обладает исторической ценностью, выяснилось позже. Очищал как-то Максим Петрович поверхность грузила и неожиданно из-под отошедшего слоя открылись какие-то изображения. Вот только вопрос — кем они сделаны? Древним художником или нынешним озорником? Максим Петрович человек дотошный, и потому стал советоваться со знающими людьми. Спустя какое-то время в Найхин приехали археологи из Хабаровска и японские ученые из этнологического музея города Осака. После детального обследования ученые пришли к выводу, что два изображения на камне подлинные.

Что же касается назначения этого предмета, по мнению хабаровского археолога Николая Спижевого, автора научной публикации "Новая интерпретация "каменных грузил", вряд ли найденный камень выполнял функции грузила. В прежние времена сети для рыбной ловли нанайцы плели из крапивы, и на них нанизывались грузила значительно меньших размеров. Скорее всего, считает Николай Евдокимович, камень с отверстием посередине — не что иное, как навершие песта для каменной ступы (нанайцы называли его *«суцуку»*), с помощью которых растирали зерно, траву и т.д. А если говорить об изображениях на камне, то нанайцы всегда украшали предметы своего быта орнаментами, рисунками. На *суцуку* из найхинского музея древний мастер нанес мифическую сцену, похожую на сюжет, изображенный на одном из камней с петроглифами в Сикачи-Аляне.

Это мнение ученого. А учитель истории Максим Петрович Бельды называет ценную находку магическим камнем солнца — сиун. Кто знает, размышляет он, может быть, на его поверхности изображен первый житель Найхина, который жил на этой земле, охотился, почитал богов...

Л. А. Бельды - основатель школьного музея в Найхине. М. П. Бельды с ребятами из детского музейного коллектива

Этнографическому музею школы-интерната почти полвека. И магический камень солнца не единственный его ценный экспонат. Совсем не случайно на экскурсии сюда привозят школьников из соседних сел и деревень. Между прочим, бывают здесь и москвичи, и зарубежные гости. Коллекция школьного музея на самом деле интересна. Когда-то по крупицам ее собирала Раиса Алексеевна Бельды — основатель музея, этнограф, исследователь. Из экспедиций она привозила такой уникальный материал, которым мог бы гордиться любой крупный музей. А все потому, что Раиса Алексеевна из тех людей, кто может приподняться над серой обыденностью и увидеть яркие, неординарные вещи. И что самое главное, этот дар переходит к детям. Для них берестяные туеса и вышитые халаты не просто экспонаты, которые хранятся на стеллажах. Они живые. Прикасаешься к старинной вышивке — и как будто сказку читаешь, берешь в руки табакерку дэкту — и словно отправляешься в прошлое. А там, на берегу Амура, сидит старик, попыхивает трубкой, засмотрелся на серебряную воду.

БАБУШКИНО НАСЛЕДСТВО

ЛЮДМИЛЫ ПАССАР

Людмила Уламовна Пассар, член Союза художников России, живет в Комсомольске-на-Амуре. До встречи с ней я никогда не думала, что в жизни человека могут быть так тесно сплетены реальность и вещи совсем иного порядка. Мистика, как сказал бы иной. Но хватает несколько минут общения, и ты невольно погружаешься в мир старинных преданий и легенд и чувствуешь себя реальным свидетелем тех событий.

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

В доме Людмилы Пассар, прямо у входной двери, висит декоративное панно. На нем — Бог четвертого неба (а по представлениям нанайцев существует девять небесных сфер) или заячий шаман. На этот счет есть легенда. У рода Самар было девять братьев и одна сестра. Братья, люди сильные, находчивые, могли шутя вдоль всего Амура за день пробежать. Могли ледоход остановить, сдерживая руками мощные льдины. И вот однажды затеяли они странную забаву. Поймали зайца, обступили его плотным кольцом и стали издеваться над бедным животным. Тыкали острыми палками, рвали в клочья крючками. Закричал заяц человеческим голосом и умер, а душа его взлетела к четвертому небу. За принятые страдания сделался он заячьим шаманом и стал оберегать всех обиженных. Людмила Уламовна сказала, что Бог четвертого неба — защитник ее дома.

Людмила Пассар живет как бы в двух мирах, не разделяя их. Наверное, для художника, чье творчество взяло начало в культуре коренных народов Приамурья, это естественно и гармонично. "Иногда я смотрю на вырезанный мной узор и вижу его как будто чужими глазами", — сказала Людмила Уламовна, показывая свои аппликации по бересте. Она никогда не знает заранее, какое изображение получится. Вот линия пошла влево, потом миниатюрные ножницы делают шажок вправо. И рождается голова дракона или крыло волшебной птицы. Иногда, признается художница, ей кажется, что кто-то невидимый водит ее рукой, тихо подсказывает направление узора.

Все-таки существует нечто, независимое от нас, что передается по наследству от далеких предков. В детстве Людмила Пассар больше всего любила разговаривать с бабушками. Смотрела, как они вышивают халаты, режут узоры на бересте, слушала сказки. А как она любила мамины песни! Плывут, бывало, в лодке — Амур такой тихий, спокойный, к нему прилегли мохнатые берега. Мама заводит песню о птицах, которые летят в поисках пропитания для птенцов, о невзгодах и препятствиях на их пути. И этот незатейливый сюжет, наполненный на самом деле глубоким философским смыслом, так бередит душу, что маленькая девочка не может сдержать слез.

Узоры Людмила Уламовна начала вырезать, когда ей едва минуло семь лет. Смотрела на тюлевые занавески и старалась сделать свои вырезки такими же легкими и ажурными. Спустя годы, уже студенткой худграфа Санкт-Петербургского педагогического института, Людмила вернется в родной Найхин, и бабушка Боли откроет старый сундук и достанет целый ворох ее детских узоров, которые, оказывается, хранила столько лет. Покажет любимой внучке и снова спрячет. Где теперь эти работы? Кажется, местные мастерицы разобрали для своих вышивок.

О ловких руках маленькой Людмилы старушки говорили: "Хорошо режет, уже не портит узор". Как-то родители прослышали о детской творческой выставке, организованной в Троицком, и решили показать там бумажные орнаменты дочери. Отец Улама Васильевич отправился в путь, но на выставке ему сказали: "Не может

быть, чтобы ребенок так профессионально вырезал из бумаги". Немногословный Улама Васильевич сгреб тогда узоры, сунул в карман. "Никто не поверил", — коротко объяснил девочке, вернувшись домой. Но молва о маленькой мастерице быстро разошлась по краю. К ней даже стали наведываться корреспонденты, и фото Людмила красовалось в местных газетах.

Сама Людмила Уламовна с улыбкой вспоминает свою "газетную славу". Пожимает плечами: "Какой смысл от этого?". Она убеждена, что большое искусство не нуждается в громкой рекламе. Мир художника наполнен тишиной и не терпит громкого вторжения. Только так можно расслышать и уловить суть всего. Было время, когда Людмила Уламовна решила даже отказаться от личной жизни ради искусства. Она приходила к бабушкам, записывала сказки, легенды, предания. Потом они ложились в основу ее декоративных панно, рисунков. Но в одиночестве тоже радости немного. Появилась семья, дети. Старшая дочь Вика сегодня уже студентка худграфа Хабаровского педагогического университета. Как заметила Людмила Уламовна, у нее свое видение мира, она по-своему трактует национальные узоры. Младшие Данил и Даша тоже создают интересные образы на бумаге. Так что духовное наследство нанайских бабушек передалось и детям Людмилы Пассар.

В доме художницы висят два ковра. На одном из них изображена Богиня Прематерь Нянгня, живущая на восьмом небе. На втором ковре — мировое Древо жизни *(ялоан)*. Этот узор передала Людмиле Уламовне бабушка Боли. На ветвях Древа жизни сидят птички — *чока*. Это души неродившихся младенцев. Когда приходит время, *чока* слетают с ветвей и вселяются в женщину. Раньше девушки сами вышивали себе халаты к свадьбе. Сколько им хотелось иметь детей, столько и птиц они рассаживали на Древе.

Кто знает, может, именно тогда, при свете лучины (а вышивали прежде в деревнях и стойбищах в основном по вечерам), в мерцании звезд и желтоватых отблесках луны совершалось таинство. И в птичку, которой в дальнейшем было суждено родиться девочкой, вселялся особый дар художника.

В материале репродуцированы работы Л. У. Пассар: резные панели из триптиха «Верховные божества. Родовые тотемы» из бересты и текстильный ковер, принадлежащие автору.

Лариса БЕЛЬДЫ,
член Союза художников России

Все меньше и меньше остается бабушек и дедушек, которые родились в 20-х годах XX века, когда нанайцы продолжали еще жить в родовом строе, про которых говорят: носители культуры. Они росли в нанайском доме, жили своим трудом в гармонии с природой, соблюдали обряды и обычаи...
Моя мама Бельды Нюра Федоровна относится к этой плеяде. Рассказывая легенды, предания (тэлунгу), она говорит: "тэтунгуэмби" (дословно: рассказываю, вспоминаю тэлунгу) и, вспоминая свою жизнь, тоже говорит "тэлкнгуэмби". Может, где-то неосознанно я жила мудростью своего народа, была его частью, хотя училась в школе, училище, институте. Меня воспитывали, как принято, незаметно, ненавязчиво. Все было из той жизни, которую, как оказалось, не суждено прожить. Уроками, полученными от своего народа, я бы хотела поделиться.

Уроки моего народа

Мудрость народа — основа жизни

Моя мама иногда делает замечания, дает советы, которые слышала в детстве, своим внучкам: "Балана туй унди бичи, туй галой бичи" ("Раньше так говорили, так не разрешали делать"). Например: "Маленьким девочкам бегать без трусиков, маечки нельзя, пупок, груди показывать стыдно — наглые будут. Нельзя детей одевать в дорогие вещи — счастья-кэси не будет".

Мама говорит: "Нельзя смеяться над людьми, издеваться над кошками. Грех это". Приводит примеры, которые были: "Жила женщина на Джари и любила посмеяться над людьми. Все в них ей виделось не так. Умерла, подавившись рыбьей косточкой. Дядя мой убил кошку. Поехал на рыбалку и, упав в полынью, утонул. Собачья упряжка была из шести собак, а он седьмой. Говорят, убивший кошку, умирает седьмым. Вот шесть собак и дядя утонули".

Мама сшила своим внучкам, когда им было 5 — 8 лет, хукуэны-сумочки для хранения принадлежностей для шитья и следила за тем, чтобы они умели рукодельничать, потому что раньше про неумеек говорили: "Гуйсэ долани удихэчи" ("В сундуке воспитывали").

Чему учил нанайский фольклор

Нанайский фольклор: нингман (сказки), тэлунгу (предание, легенда, дярин (песня), модака (скороговорка) , намбока (загадка).

ЗАГАДКИ (намбока) учили смекалке. Вот некоторые из них: "Пэрэл ана муэлу" — "Без дна ведро" (прорубь), "Эм хэрэдека хурэмбэ тоичами чилахани, лангак лактохани" — "Одна лягушка в гору подняться не может, прилипла" (нос).

ПОГОВОРКИ "Буэ каока бичепу уйдэ сягоапу ираси". ("Будем сидеть ничего не делая, никто кушать не принесет") и "Хэсэи хасисими балдиори" ("Следуя за своим словом, надо жить") показывают, что главное в жизни труд и ответственность. Детей не учили специально ничему, не повторяли слова несколько раз. Ребятишки видели, как взрослые делают, помогали им.

Дедушка мой из рода Бельды, родился и жил в стойбище Гордома. Там родилась моя мама. Бабушка моя из рода Дигор со стойбища Кондон. Вот какие предания есть об этих родах.

Раньше китайцы пронимали у рода Бельды сэпэ-соболь хорошо, и потому многие стали Бельды. Говорили, что будто Бельды с китайцами, как родня. Мех соболя ценился. От удачи на охоте зависело и то, как будет жить семья охотника.

Род Дигор произошел так. Летала зловещая птица Коори и пожирала людей. Собрались богатыри и убили ее около Кондона. Все нанайские роды стали брать от птицы части тела. Роду Дигор достались плечи или грудь, и от этого они сильные стали (по рассказу З. М. Дигор).

Бабушка моя была очень сильной. О сильных женщинах рода Дигор говорят так: "Был у рода Дигор талисман — су. У старика была дочь, а талисман передается сыновьям (по мужской линии). Когда старик умер, талисман перешел к дочери, и она объявила соревнование, что выйдет замуж за того, кто ее победит. Такого человека не нашлось. Она вышла замуж за того, кто был равен по силе ее силе. Талисман перешел в другой род — род мужа". (Рассказ З. И. Дигор, с. Бельго Комсомольского района, 1984 г.).

Раньше нанайцы для топки брали в лесу сушняк и каждое утро ходили за ним. Рыбу ловили сколько нужно. Всего брали в меру. Женщинам каждую весну надо было вэси (сушеные мелко нарезанные листья черемши и соакта (сушеная полынь) кинуть по горсточке на улицу — возвращать природе. Не разрешалось сжигать веточки черемухи, дикой яблоньки после того, как оберешь ягоду — хозяин природы обидится, рассердится. О бережном отношении к природе есть и такое предание: "Раньше люди жили, питались рыбой и мясом. Хорошо жили. И не стало вдруг в реках рыбы. Одним мясом как питаться? Однажды один человек пошел на восток. Шел-шел и пришел к морю. Видит — три косатки морские играются. Этот человек оторвал пуговицу и бросил. Две в воду нырнули, а младшая заинтересовалась и стал искать пуговицу. Пуговица вернулась к хозяину. Человек просит перевезти его через море. Косатка соглашается и перевозит его. Человек идет дальше. Птицу подстрелит, поджарит, поест и дальше идет. Пришел к высокой горе. Семь дней поднимался по ней. Поднялся. Пошел дальше и пришел к середине горы. Видит, человек каменный лежит головой на восток. Рядом — табакерка из камня. Подошел к нему. Открыл табакерку, набил трубку табаком, прикурил и подал каменному человеку. Тот открыл рот и закурил. Говорит: "Знаю, зачем пришел. Вы чересчур вольничали. Рыбы — мои дети и в морях, и в реках. Ладно, возвращайся, дам рыбу". Человек забрал трубку, положил в табакерку, закрыл. Пошел обратно на запад. Косатки играются, опять младшая перевозит его. Идет и видит: рыбы много из моря в реку вышло. Люди с сетями плавают, рыбу ловят. Все как в прежние времена стало. Наказал бог-эндур за их небрежное отношение к природе. Ловили больше, чем съедали, и гнила рыба у них" (по рассказу Канза Бельды, с. Джари Нанайского р-на, 1984 г.).

Все в природе имеет свою душу, хозяина: дерево, гора, озеро, огонь, дом. "Жила одна женщина с ребенком. Надо было ей отлучиться. Пошла в лес, срубила пихту белокурую, сделала человечка. Совершила обряд и бросила со словами: "Если человеком станешь — навзничь упади". Бросила, девочка встала. С ней женщина оставляет свою дочь. Так живут. Весной загрустила девочка. "Одежду хочешь, есть хочешь?", — спрашивает женщина. Говорит девочка: "К друзьям хочу. Завидую им, шелестят листьями на ветру". Отвела женщина ее в лес. Головой вниз, ногами вверх поставила, и превратилась девочка опять в дерево. Не топят нанайцы пихту белокурую.

Это лишь часть духовного наследия моего народа. Уходят из жизни носители культуры. Мне становится страшно. Возможно, оттого что и про меня скоро будут говорить: старшее поколение...

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

УСНУВШИЙ

Село Кондон (Солнечный район Хабаровского края) считается одним из самых древних поселений Приамурья. Не случайно к этому месту на протяжении десятилетий приковано внимание научного мира. Ведь именно здесь обнаружены такие уникальные археологические находки, как базальтовая фигурка медведя, статуэтка женщины, которую называют "Кондонской Венерой" или "Кондонской Нефертити". Нередко здесь работают научные экспедиции, в том числе и международные. Одним словом, Кондон – настоящий кладезь археологических ценностей для ученых. Тем более что их предварительные изыскания показали: на данной территории в разные эпохи располагалось более 50 поселений. Подобный факт не связан больше пока ни с одним местом на Амуре.

Добраться до Кондона не так уж и просто. Для этого нужно вначале оказаться в Комсомольске-на-Амуре, а потом часа два трястись в довольно неуютном автобусе. Но зато когда приезжаешь, ощущение усталости улетучивается в один миг. Возможно, именно удаленность спасла Кондон, пусть и не в полной мере, от разрушительного действия цивилизации. Жизнь здесь тиха и размеренна, и все кажется гармоничным и естественным. Извилистая река Девятка, берущая начало в озере Эворон, Кондо-сопка, с которой связано немало легенд и преданий, средняя школа имени Акима Самара, отмечающая скоро свое 100-летие, — единственная в районе со статусом "национальная", где осуществляется программа "Возрождение". Есть в селе этнографический музей, созданный в 1958 году, народный хореографический ансамбль "КЭКУ".

А еще Кондон — это березы. Большие, с ветвями-орнаментами, сквозь которые Кондо-сопка (еще говорят "Кондо хурэни" — священная сопка) выглядит особенно таинственно. Если присмотреться, отделенная от села быстрой Девяткой, она и впрямь похожа на тело лежащего дракона: округ-

Зарисовка о нанайском селе Кондон

ДРАКОН НА БЕРЕГУ ИЗВИЛИСТОЙ РЕКИ

лое "изголовье", вытянутое "туловище", неподалеку от которого притулился домик местного шамана, теперь, правда, заброшенный, и "хвост" — в самом конце Кондона. Старые люди рассказывали, что когда-то давным-давно летал над этими местами Дракон. Устал, приземлился за рекой и уснул. Сто лет, наверное, проспал, а когда очнулся и хотел взлететь, не сумел: выросшие на его теле деревья прочно приковали к земле (помните аналогичную историю в русском фольклоре о Чуде-юде рыбе-ките?). Решил тогда Дракон еще отдохнуть, так и спит по сей день.

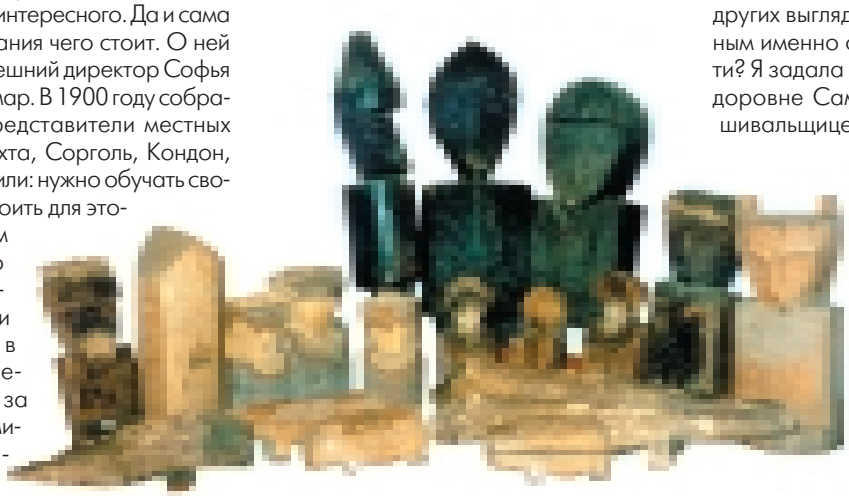
Говорят, "изголовье" Дракона — место особенное. Ему поклонялись, собираясь на охоту, во время праздников здесь совершали жертвоприношения. Рассказывали, что и в наши дни сельчане, отправляясь на соревнования (а в Кондоне сильная команда по северному спортивному многоборью) или на какой-нибудь конкурс, ставили бутылочку в изголовье сопки и просили Дракона об удаче. А еще старики строго-настрого наказывали: если пошел к "голове" сопки, ступай осторожно, не шуми, не трогай камни. "Хвост" тоже имел свою магическую силу. В прежние времена (возможно, не такие уж давние), если у женщины случались трудные роды, ее увозили в "хвост" сопки, веря, что Дракон облегчит ее страдания.

С Кондонской средней школой тоже связано немало интересного. Да и сама история ее создания чего стоит. О ней рассказала нынешний директор Софья Дмитриевна Самар. В 1900 году собрались на сход представители местных стойбищ — Ямихта, Сорголь, Кондон, Синдан — и решили: нужно обучать своих детей и построить для этого школу. Всем мужчинам, кто платил казне подать, предписали принять участие в заготовке древесины. В общем, за два года всем миром школу, состоящую из одной комнаты, построили. Только вот незадача: не было в селе грамотных людей. Тогда самые отважные мужчины сели в лодки и отправились в дальнее плавание: по Девятке спустились к Горину, оттуда — к Амуру. Так и добрались до Нижней Тамбовки — в те времена центра Нижнетамбовской волости. Приехали и сказали как есть: мы построили школу, нужен учитель. Удивительно, но нашелся человек, который рискнул и отправился в Кондон. Это учитель Агеев. К сожалению, имя и отчество его никто не помнит, но вот чудом уцелевшая фотография симпатичного бородача находится сегодня в школе. Полмесяца добирался Агеев вместе со своей женой и восьмилетней племянницей на лодке до Кондона. Поселились прямо в школе, перегородив единственную комнату ширмой. Поначалу Агеева местный люд побаивался, а детишки кричали: "Амба, амба!". Им казалось, что к ним явился сам черт в обличье бородатого мужчины. Но постепенно страх прошел, и потекли будни кондонской церковно-приходской школы. Позднее первые ученики Агеева (а он прожил в Кондоне шесть лет) стали самыми грамотными людьми села. Среди них — первый председатель колхоза, председатель сельсовета, прокурор. Но это было позднее, в тридцатые годы, когда в Кондоне установили советскую власть и на смену церковно-приходской школы пришла "Красная юрта". Представители новой власти — А. Путинцева, Е. Пякхель и М. Каплан также занимались образованием аборигенов, и среди их выпускников, к примеру, первый нанайский поэт Аким Дмитриевич Самар.

Спустя десятилетия портрет кондонской школы стал совсем иным. Пережив отрыв от своих корней, осознав, как важно вернуться к ним, педагоги уже несколько лет работают по программе "Возрождение": учат детей родному языку, дают азы традиционной культуры нанайцев, развивают национальные виды спорта. И вот что самое главное. Если прежде школьники даже во время выступлений стеснялись надеть национальную одежду, сегодня они с гордостью облачаются в расшитые халаты и рубахи. Они уже понимают, сколь бесценно наследие их народа.

Жаль, что не слишком радостная судьба оказалась у местного этнографического музея, в коллекции которого находились редкие экспонаты. Два раза его жестоко грабили, забрав практически все ценное. Сегодня музей стоит с замурованными окнами. В этом полумраке хранится уникальный макет жилища, стены которого обмазаны глиной — летнего домика. А еще уцелела редкая коллекция ритуальной скульптуры.

И все же в чем секрет этого нанайского села, которое на фоне многих других выглядит крепким, благополучным именно с точки зрения духовности? Я задала этот вопрос Любовь Федоровне Самар, потомственной вышивальщице, директору музея и руководителю театрального кружка при местном клубе. Она сказала: "Секрет Кондона, наверное, в его людях". Да, конечно же в людях, которые сохранили лицо села, не вырубили великолепные березы. Остальные же штрихи дорисовала сама природа, подарив речку Девятку, красивый берег и священную сопку.



Сэвэны. Дерево, резьба. Этнографический музей, с. Кондон

Лет двести назад из древнего стойбища Кондон, которое находилось недалеко от озера Эворон, в верховья таежной реки Кур, переселилось несколько самагирских семей во главе со старейшиной Нэсикэ. В память о родном стойбище новое селение назвали Кондока. Места эти были богаты зверем и птицей, в реке водилось много рыбы, встречался даже жемчуг, и поначалу жители радовались здешнему приволью и изобилию.

Любовь ТАЕЖНЫХ МЭРГЭНОВ

Владимир ИВАНОВ,
старший научный сотрудник
Хабаровского музея археологии

Но случилась беда. Страшная болезнь обрушилась на стойбище. Старый Нэсикэ видя, что никого уже не спасти, собрал умирающих возле очага, готовый уйти с ними в мир предков. Но жена старейшины не смирилась. Забрав своего внука, младенца, у погибающей невестки, отдала его другой молоденькой женщине, только что потерявшей мужа и грудного ребенка, и устроила ей побег. Та чудом выжила, долго блуждала по тайге, питаясь кореньями. А когда ее, умирающую от голода, подобрали сородичи из стойбища Кондон и привезли к себе, женщина занялась воспитанием ребенка и, верная клятве, которую дала старухе, со временем... вышла за него замуж, не дав угаснуть роду Нэсикэ.

С тех пор сменилось более десяти поколений, и поныне потомки Нэсикэ бережно хранят память о своей некогда юной прабабушке, что брела по тайге, прижимая к груди младенца — своего будущего мужа...

Да, всякое бывало в старину. И молодые удальцы-мэргэны порой женились на вдовах, содержали семьи своих умерших братьев, а то и убитых врагов, сходились с женщинами намного старше себя.

И все-таки именно мужчины чаще были старше своих жен, порой даже на ...полвека и более! И это многоженство местных долгожителей, которые в большинстве своем были отличными охотниками и могли содержать большие семьи, осуждалось пришлым духовенством и властями. Но если до революции православные миссионеры действовали убеждением, старались приобщить "туземцев" к христианской вере и морали, а приамурские генерал-губернаторы Н. И. Гродеков и Н. Л. Гондатти вообще рекомендовали не вмешиваться в традиционный быт местных народностей, то в тридцатые годы обвинение в многоженстве было самым удобным предлогом к раскулачиванию и высылке таежных "богатеев".

Долгое время этой темы как будто не существовало в литературе. И первым, кто, на мой взгляд, по-настоящему честно, правдиво и талантливо обнажил этот пласт культуры коренных жителей Приамурья, стал нанайский писатель Е. В. Самар.

Уже в первой своей книге, изданной в Хабаровске в 1992 году, куда вошли повести "Трудные тропы" и "Из жизни Кесты Самара", он коснулся судьбы репрессированных таежников, с горечью заявив устами одного из персонажей (реального, кстати, как и другие, упомянутые в книге земляки и родственники писателя):

"Разве не эта власть судила меня, что имею трех жен? Между прочим, я их не воровал, не отбирал, а отдал за них накопленные деньги, пушнину. Разве за это можно наказывать? Ведь за каждую жену отдавал столько, сколько просили ее родители и сородичи. Таков наш обычай, таков наш закон... Пусть лентяи и лежебоки живут без жен. Они сами виноваты в этом. У них дома нет средств, чтобы заплатить колым-тори. Я же имел все для этого. А чтобы иметь, не жалел себя ни зимой, ни летом, ни весной, ни осенью.

На суде при всем народе меня позорили как могли... А моим женам предложили уйти от меня. Но они не ушли, они до сих пор живут со мной".

Да, жены репрессированных, в том числе и самые молоденькие, которых порой обижали и ревновали женщины постарше, оставались верны своим престарелым мужьям и, вышвырнутые вместе с ними из обжитых мест, ограбленные, терпеливо обустраивались в глухомани, терпя нищету и лишения. И что было самым обидным для работящих и почитаемых прежде старых мэргэнов, так это нападки своих же молодых и менее удачливых сородичей, иной раз собственных внуков, которые вместе с пришлыми активистами ринулись крушить вековые устои таежного быта, бороться с шаманизмом и прочими "предрассудками".

И тем светлее, печальнее была лю-

бовь в порушенных и изгнанных семьях. Отголоски ее проходят через все произведения Е. В. Самара, но особенно ярко и трагично выплеснуты они на страницах "Кондонского старосты" — последней повести писателя, опубликованной недавно Хабаровским книжным издательством — к сожалению, лишь спустя пять лет после кончины автора.

Книга эта, изданная, как и предыдущая, на двух языках — русском и нанайском, — посвящена легендарному Суэкиэну — Иннокентию Духовскому, который еще в середине девятнадцатого века, будучи молодым, водил по опасным таежным тропам сподвижников капитана Невельского, оказав немалую помощь героической Амурской экспедиции. Он многое сделал для духовного развития своих сородичей самагиров — и как мудрый старейшина, и как предприимчивый человек, щедро жертвовавший свои средства на строительство церкви и школы, помогавший православным миссионерам в составлении русско-инородческих словарей. Пользовался он и уважением среди ученых, путешественников, имел награды от Н. Н. Муравьева-Амурского, других генерал-губернаторов и даже самого императора Николая II.

И в то же время он оставался сыном тайги, жил по ее законам, хранил традиции предков. Прожил Суэкиэну без малого сто двадцать лет, у него было семь жен. И если до революции к такой форме брака власти относились терпимо, то уже в советское время появилось немало трений, и новоявленные "просветители" в тридцатые годы уж очень хотели "переделать" нанайских стариков на новый лад. А старец Суэкиэну к тому же оказался зажиточным, подлежал раскулачиванию.

И об этом внук его, писатель Е. В. Самар, пишет с особой горечью: "Я не могу до сих пор освободиться от чувства боли и обиды за своего деда. Сколько сил, знаний, труда, души своей он отдал ради того, чтобы народ стал жить лучше и легче! С приходом же советской власти его раскулачили, отобрали дом, сослали в другое село. До самой смерти он жил в с. Нэмиэкэн, но всегда душа его тянулась в Кондон — родное, любимое село... Вот почему я написал эту книгу. Я очень старался завершить ее, чтобы рассказать людям о жизни и делах своего незабвенного деда и его друзей. Может быть, услышит дед мои слова и станет ему легче, душе его — свободнее..."

Легендарный старец Суэкиэну (Иннокентий Духовской)

К сожалению, повесть "Кондонский староста" оказалась не совсем завершенной.

Чувствуется, что автор хотел сказать больше, в том числе о годах ссылки "таежного патриарха", когда тот, уже немощный и ослепший, всем сердцем тянулся к своим детям и внукам, и посетить его в Нэмиэкэне для живших в других местах родственников было делом мужества. Тем интереснее их воспоминания.

Мне повезло, когда пару лет назад, опубликовав статью об отважных проводниках и разведчиках-нанайцах, я неожиданно получил письмо от пенсионерки из села Ачан Амурского района Валентины Сергеевны Киле, оказавшейся внучкой самого Суэкиэну, или Сэкэну, как его именуют в краеведческой литературе! Между нами завязалась переписка. И выдержки из писем Валентины Сергеевны, с ее согласия, я предлагаю читателям...

"Да, по рассказам моей матери, Ходжер Ноны Духовсковны, 1902 года рождения, мой дедушка женился на моей бабушке, когда ему уже было за семьдесят... Она стала его четвертой женой. Все жили в одном доме. Бабушка моя родила от дедушки Сэкэну троих детей, всех поставила на ноги и дождалась внуков, то есть меня и братишку Константина. Мой отец, Ходжер Сагда, не знаю, каким путем, узнал про девушку Нону, проживающую так далеко, на реке Горин, ездил сватать, а дед Сэкэну не сразу дал согласие, поэтому отец мой целый год проходил у него проверку, или, как сейчас говорят, тест: ездил вместе с ним на охоту, на рыбалку, проверялся и в других житейских делах. Только после этих смотрин дедушка Сэкэну согласился выдать за него свою дочь. Так, в 1920 году мой отец Сагда привез на лодке молодую жену в родное село Болонь. Сельчане, узнав, что едут молодые, вышли встречать все. Молодые мэргэны (по-русски это означает удальцы, силачи), выстроившись, устроили из ружей пальбу-салют. Такой был обычай. Чтоб злые духи, которые преследовали невесту, не смели войти в чужое село...

Дедушку Сэкэну я запомнила. В 1940 году, когда мне было двенадцать лет, ездила в гости к дедушке и бабушке на реку Горин. Дедушка был весь седой, с красивой бородкой, стройный, слепой. Говорил хорошо. У него был свой угол. Все свои инструменты и атрибуты знал отлично, что где лежит, без работы не сидел. Ему уже тогда было около 116 лет. Мы с братишкой стояли перед ним на коленях из великого уважения, а он нам говорил свои пожелания и целовал нас...

Мама моя говорила, что ото всех женщин у него были дети. Она помнит, что в доме было 24 ребенка. Всех детишек, которые подросли и уже могли рыбачить и охотиться, он брал с собой на промысел...

Еще мама рассказывала, как жены любили и ревновали дедушку. Между женщинами начинались мелкие недовольства. Мама тогда была маленькая и не понимала, из-за чего они между собой порой не ладили. А так у каждой жены был свой угол и каждая старалась сделать для дедушки что-то хорошее. Детей всех учили труду, всех отдавали учиться в церковно-приходскую школу. Мама моя помнит, что поп всегда говорил только хорошее о дедушке и о его жене, моей бабушке.

Еще мама рассказывала, как дед был рад, что его дочка Нона, выданная замуж и уехавшая в далекое по тем временам село Болонь (нынешний Ачан), родила дочку (меня). Дед сказал маме, что девочка обязательно должна вернуться к ним на родину, на реку Горин, вместо нее. Таков обычай. И даже жениха заранее назвал. И тут моя мама в первый и последний раз не послушалась своего отца и сказала, что никуда свою дочь не отправит, она будет жить возле нее. Так оно и вышло."

Да, мудрый старец Суэкиэну, любивший всех своих внуков и правнуков, так и не дождался возвращения внучки Валентины на берега Горина. Что ж, такова жизнь. И пусть седые тальники бережно хранят память об этой таежной любви и о самом великом мэргэне, ставшем легендой...

Фото В. ТОКАРСКОГО

Елена ГЛЕБОВА

Если вечером посмотреть на село Дада со стороны протоки, светящиеся окна домов удивительным образом напоминают растянутую нить нефритовых бус.

Хрустальных бус нарядней,
Когда глядишь с реки,
Сияют в окнах дальних
Родные огоньки...

Эти строки – из поэтического сборника "Лунный бубен", вышедшего в свет в хабаровском издательстве "Тонкие лозы". Здесь опубликованы стихи на нанайском и русском языках. Автор сборника – нанайский поэт Константин Мактович Бельды. Его "Лунный бубен" стал посвящением народу Амура, негромкое признание в любви родной Даде, глубокая печаль по утерянным корням. Тонкая нить не выдержала и порвалась, драгоценный камни брызнули слезами и затаились где-то в глубинах памяти. Нелегко отыскать их сегодня, связать в единое целое.

В жизни Константина Мактовича с ранних лет обитали старинные легенды, песни. В тайге, наполненной таинственными шорохами, у ночного костра отец Макто рассказывал ему сказки. Каждая из них могла длиться несколько дней. Сюжетная линия плутала по волшебным лабиринтам, появлялись новые герои, и собравшиеся у костра, затаив дыхание, следили за ходом событий. Остались в памяти Константина Мактовича и праздники, которые тогда были естественной частью жизни нанайцев и сопровождались старинными обрядами, камланиями шамана. "Может быть,

НЕФРИТОВЫЕ БУСЫ

Константин БЕЛЬДЫ

КРАСАВИЦА

Заблудившись в тайге,
На орешник набрел.
Благодарный судьбе,
Сыпал клюкву в подол.

Я нефритовый камень
Нашел в роднике.
Вспыхнул камень,
как пламень,
У милой в руке.

"Ката-так" — для жены
Я орешки щелкал.
"Пицер-тэс" — под блины
Клюкву-ягоду мял.

Я из камня нефрита
Сделал бусы жене.
С той поры Афродитой
Является мне?

Перевод А. Лозикова

НЕ СЕРДИСЬ

Прошу тебя, родная, не сердись,
Что мы из рук наш кубок уронили
И что его мы в дребезги разбили,
И, наконец, навеки разошлись.

То — бог любви над нами пошутил:
Над жертвами он любит посмеяться,
Об этом не смогли мы догадаться,
Что нас, глупцов, он за носы водил.

Прощай же, друг! Прощай, уж навсегда.
Тебе, как прежде, доброго хочу я.
Ты обо мне когда-нибудь тоскуя,
Не огорчи другого никогда.

В последний раз прошу я, не сердись:
Уже в преданье прошлое уходит.
А бог любви с тобою счеты сводит...
Внимательнее к богу приглядись.

ВРЕМЯ

Жизнь и время
не умеют пятиться.
Отгорев,
огонь не вспыхнет вновь.
Не растает время льдом,
не хватится,
Что любовь потеряна в былом.

Время не обдаст
меня ознобом,
Не блеснет
цепочкой золотой,
Солнцем
не поднимется над злобой,
Не мелькнет в падении
звездой.

Невозможно нанизать
на бусы
Жизни дни, рассыпав,
не собрать.
Легкокрылой сойкой
не опустится
Время, чтоб с тобою
поиграть.

Тихим пеньем звезд,
сияньем солнца,
Медленным вращением
Земли,
Острой болью разума
ворвется,
Упадет туманом
в ковыли.

Сказочный мэргэн
с литыми мышцами,
Неподвластный
божьему суду...
Станет время палачом
и рыцарем,
Радость принесет нам
и беду.

мои стихи в какой-то степени – отзвуки того шаманского бубна", – размышляет поэт.

Надо мною лунный бубен
Проливает желтый свет...

Первые строки пришли к Константину Мактовичу в ранней юности. Он увидел свою будущую жену. Неведомое до сих пор состояние, которое принято называть вдохновением. Зинаида Николаевна была единственным человеком, который мог прикоснуться к чувствам, облаченным в слова. Потому что поэзия для Константина Мактовича также застенчива, как и любовь, она не терпит посторонних глаз. Только спустя много лет решился показать исписанную тетрадь писателю Григорию Ходжеру. "Интересные стихи", – сказал тот, прочитав. Так и вошел Константин Мактович в литературный мир. Творческие семинары в Хабаровске и Подмосковье, встречи с профессиональными писателями, первый перевод на русский язык стихотворения "Выделка рыбьей кожи", который сделал Валерий Шульжик. А в 2000 году при поддержке администрации Нанайского района появился сборник "Лунный бубен". Замечательные русские переводы стихов Константина Бельды сделали поэты М. Асламов, А. Лозиков, Л. Миланич, В. Хоменко, А. Черевченко, В. Шульжик. В книгу также вошли нанайские переводы стихотворений Лермонтова, русских песен, романсов, сделанных самим Константином Мактовичем. Дело в том, что когда семья Бельды жила еще в Найхине, оба супруга пели в хоре, репертуар которого состоял в основном из русских песен. И однажды на репетиции Константин Мактович задумался: а почему бы не исполнить тот же фрагмент оперы Бородина "Князь Игорь" (хор половецких девушек) на родном языке? Мысленно переложил текст на нанайский – вроде бы неплохо получается. С этого, собственно, и началось. Самодеятельный хор исполнял "Журавлей" Гамзатова, "Бухенвальдский набат" и другие популярные тогда песни на нанайском языке. А для своей любимой жены, к слову сказать, прекрасной певуньи, Константин Мактович перевел с русского романс "Желание".

Много думает поэт о языке своих предков. Невеселы эти мысли. Для Константина Мактовича первым языком был нанайский, и первые школьные шаги он тоже делал на родном языке. Поначалу русский был лишь дополнением к основной программе, но в конце пятидесятых, рассказывает Константин Мактович, кто-то решил, что знание родного языка мешает изучению русского, и нанайский полностью запретили. К слову о запретах. Одна учительница из Сикачи-Аляна вспоминала как-то, что в те времена родителям настоятельно рекомендовали даже в быту разговаривать со своими детьми только по-русски. Вот почему современные дети, несмотря на программы возрождения национальной культуры, заучивая отдельные фразы, не могут говорить на родном языке свободно. Вырванная с корнем, языковая культура стала искусственной. А французский, английский и немецкий даются молодежи легче, чем нанайский.

И все же поэтический сборник "Лунный бубен" подарил нам редкую возможность прикоснуться к чувствам людей, веками воспевавшим красоту родной земли. В "Лунном бубне" шепчутся волны, распускаются лесные цветы, рыбак напевает нехитрую песню, охотник тихо ступает по едва заметной тропе. Здесь простая земная жизнь и большая любовь.

Ни убить,
ни победить,
ни сбросить
С плеч долой,
как непосильный груз.
Можно
задавать ему вопросы,
Жаль только
ответа не дождусь.

Перевод А. Лозикова.

ВЫДЕЛКА РЫБЬЕЙ КОЖИ

Танге-тес! Танге-тес!..
Целый день одно и то же.
Танге-тес! Танге-Тес...
Колотушка бьет по коже.
Тяжела моя рука,
В рыбью грудь она стучится,
Облетает чешуя,
Серебром она искрится.
Ох, не легок этот труд,
Нам доставшийся от дедов,
Рыбьи кожи мнут и бьют
От рассвета до рассвета.
Бум-бум-танге-тес! -
Повторяет дальний лес.
Пусть теперь иные ткани
И иные времена,
Я нанаец,
Нани, нани —
Рыбья кожа мне нужна.
Эта древняя работа
Мне знакома назубок.
Я роняю капли пота
На прадедовский станок.
Танге-тес! Танге-тес!
Без работы нет чудес!
Здесь, на солнечном Амуре,

Гейкер А. И. Род. 1933 г.
«Солнце над Амуром». Линогравюра

Меж проток, полей и гор,
На поделки рыбьи шкуры
Мы пускаем с давних пор.
Колотушкой, что есть мочи,
Рыбью кожу бью и бью,
Я верхонки и олочи
К холодам себе сошью!
Танге-тес! Танге-тес!
Раздается там и здесь,
Пахнет кожа дымокуром,
Набежавшим ветерком,
Кедром, ягодой, Амуром
И отцовским очагом.

Перевод В.Шульжика

ДЕЛО

Если осень в сердце глянет,
Вянет цвет, утратив сок.
Жизнь, коль старость
к нам нагрянет,
Угасает, как цветок.

Надо мною лунный бубен
Проливает желтый свет.
Сколько было трудных буден?
Сколько будет трудных лет?

Но тропу веду умело
Я к зимовью своему,
Потому что только дело
Не подвластно ничему.

Перевод В. Шульжика.

УЛЬЧИ

Нани (самоназвание "местные люди"), мангуны (устаревшее название). Общая численность около 3,2 тыс. человек. Живут в Ульчском районе Хабаровского края (более 2,7 тыс. человек).Письменность создана в 1970 7 – 1980 гг. на основе русской графики.

Ульчи как этнос сформировались в процессе длительных и тесных контактов с нанайцами, нивхами, маньчжурами, негидальцами, эвенками и др.

Насчитывалось около 30 родов. Семьи каждого рода жили отдельно, но ежегодно собирались на традиционный праздник моления небу, медвежьи праздники. Основной социальной единицей была община, которая регулировала отношения внутри селений. Ульчи вели оседлый образ жизни. Возраст некоторых селений насчитывал многие десятки и даже сотни лет. Зимники – зимние жилища ульчей – обычно располагались вдоль берега Амура. С наступлением теплых дней семьи разъезжались по летним селениям и жилищам на островах и речках.

Традиционные религиозные верования ульчей имели сходство с анимистическими верованиями их соседей. Особенно почитались духи неба, Тэму – дух-хозяин водной стихии, рыб, морских животных, от которого зависел улов, духи-хозяева мест охоты, гор, скал, рек, Пудя – дух-хозяин огня и домашнего очага, духи предков, покровителей дома. Дуэнтэ эдени – дух-хозяин тайги, представлялся в образе огромного медведя. Охота на этого зверя, поедание его мяса проходили с соблюдением множества табу. Существовал обычай выращивать медведя в течение нескольких лет в неволе. Затем, чтобы умилостивить духа-хозяина тайги, приглашали гостей на медвежий праздник, который сопровождался пиром, игрищами, собачьими гонками.

Во время медвежьих праздников, свадебных и поминальных обрядов выступали сказители. Чаще всего ими были шаманы. Жанры традиционного фольклора ульчей сходны с другими северными народами – мифы и сказки о духах, животных, волшебные сказки, исторические легенды и предания, загадки, пословицы и т.д. Из музыкальных инструментов наиболее характерны примитивные однострунные скрипки, малые свирели, железные и деревянные варганы.

Этюды о ЛОНКИ

Петр ГОНТМАХЕР,
профессор, доктор исторических наук

Этюд первый:

Талант быть человеком

До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что Прокопий Васильевич Лонки умер. Мне очень близки слова Роберта Рождественского: "Не умею я к мертвым друзьям привыкать". Вот уже десять лет прошло со дня смерти моего друга Лонки, а я до сих пор не могу поверить, что больше никогда не услышу его чуть глуховатый голос, не увижу его умное, по-мужски красивое лицо, не смогу насладиться радостью общения с этим прекрасным человеком, верным в дружбе, верным во всем. Близкий друг Лонки, известный в Ульчском районе деятель культуры Петр Николаевич Дейчули писал о нем: "В 1932 году я после семилетки по направлению райкома комсомола приехал в только что организованный колхоз "Север" в Верхней Гавани. В то время колхозом руководил Василий Лонки, у которого был сын Прокопий, по-нашему Подо. Шустрый был мальчишка, веселый. Отец в нем души не чаял. Потом встретился я с ним в армии — вместе служили в 432-м стрелковом полку в годы войны в районе Де-Кастри. В феврале 45-го я был комиссован по состоянию здоровья. Прокопий, помню, в то время прошел учебу в полковой школе младших командиров. Он участвовал в войне с Японией. После культпросветучилища несколько лет работал заведующим клубом у нас на Ухте. В селе его уважали. Он хорошо относился к старикам, постоянно их расспрашивал о прежней жизни, собирал сказки, легенды, много времени уделял художественной самодеятельности на ульчском языке. Занимался с ульчскими мастерицами, их орнаментированные изделия и различные предметы быта отправлял на выставки. В общем, относился к своей работе с душой. В районе его заметили и вскоре забрали у нас, он переехал на дальнейшую работу в районный центр, возглавил отдел культуры..."

Биография Лонки, как видно из рассказа его товарища, отражала в значительной степени историю небольшой ульчской народности на протяжении тридцатых-восьмидесятых годов XX века.

П. В. Лонки был самобытным поэтом, он также был прекрасным знатоком ульчской культуры. Казалось, что он знал все: легенды, сказки, песни. Но мне хотелось в этом этюде о нем сказать несколько слов о его человеческом таланте. Твердо уверен, что прежде всего Лонки обладал самым высоким талантом, каким наградил нас Бог — быть человеком. Я не встречал в своей жизни товарища более верного в дружбе, чем Лонки. Однажды, узнав, что я приболел, он прилетел ко мне из Богородского. Это было в двадцатых числах сентября, в самый разгар рыбалки. Для настоящего рыбака это

был своеобразный подвиг. Ему ничего не стоило специально слетать в Богородское из Хабаровска и обратно из Богородского в Хабаровск. Для него это было делом чести. Как друг он был талантлив. Всегда хотелось ответить ему теплотой и верностью. Это я и старался делать. Не знаю, получилось ли. Спросить у своего друга я так и не решился.

Этюд второй:
Поэт и сказитель

П. В. Лонки рассказывал мне, что уже в начале пятидесятых у него скопилось более пятидесяти стихотворений, которые он писал всю сознательную жизнь. Но только в 60-е годы у него появляются первые публикации: в газетах, альманахах, коллективных поэтических сборниках. При его жизни он выпустил и две отдельные книжки стихов. К печати были готовы и ульчские легенды и сказки, но они так и не увидели свет. Лонки умел удивительно изящно рассказывать сказки. Этому он научился у своей матери.

Но вернемся к рассказу о Лонки, как о поэте. Его стихи были посвящены любви к Родине, природе, особому отношению к детям, которых он очень любил. С большой поэтической глубинкой Лонки писал о рыбалке, охоте, которые для него были не просто ремеслом, а были частью ульчской культуры.

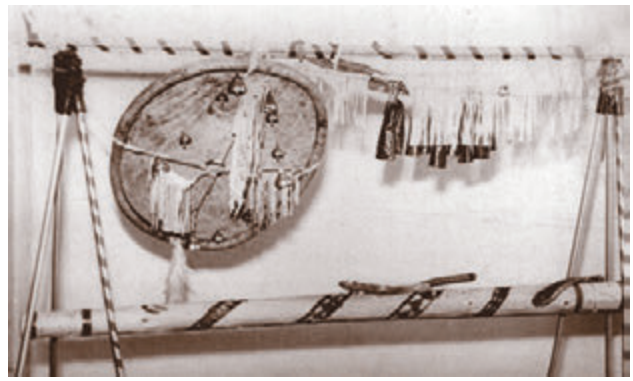
Этюд третий:
Король устного слова

Те, кто знал П.В. Лонки, не могли не заметить и его таланта оратора. Среди народов Приамурья я не встречал равного ему по этой части. Говорил он порой тяжело, словно складывал камни. Но и в этом было особое мастерство и прелесть. Так, видимо, говорили ораторы в древности. П.В. Лонки искал и находил нужное слово. Он говорил на ульчском, русском, реже — орочском и нанайском. Лекции же свои для туристов, которые останавливались в с. Богородском, школьников, учителей, воспитателей детских садов он читал с особым удовольствием. За основу лекций и бесед он часто брал материал из своего Богородского этнографического музея. Часто начинал лекции с общих философских размышлений. Помню, однажды он свою очередную лекцию для педагогов и туристов начал так: "У моего маленького народа ульчей (смею вам напомнить: их всего-то 2500 человек во всем мире) на манер многомиллионного народа – китайцев – своя своеобразная дуалистическая теория о силах тьмы – Инь и силах света – Янь. Ульчи эту теорию не пропагандировали как какое-то открытие, но, знакомясь с их устным народным творчеством, с их искусством орнамента, играми, музыкой и танцами, становится ясно, что подобная теория отвечает сущности их философии жизни во всех сферах духовной культуры, идет как бы внутренняя борьба света и тьмы. И свет всегда и во всем одерживает победу. Возьмите хотя бы наши сказки, наш орнамент, наши традиционные танцы".

Другую лекцию перед школьниками старших классов П.В. Лонки начал приблизительно так: "В ульчском фольклоре сохранились сюжеты, близкие к сказке о золотой рыбке и Коньке-Горбунке, и еще много подобных. Это говорит о многовековых контактах русских с ульчами". И далее он развивал проблему этногенеза ульчей, отстаивая самобытность и оригинальность их культуры.

Особенно ему удавались лекции об образных словах ульчского языка. Слушатели сидели как завороженные, а он все приводил новые и новые примеры образных слов в ульчском, а также нанайском, орочском и нивхском языках.

Запомнилась мне и беседа П. В. Лонки в Богородском этнографическом музее. Он говорил необыкновенно интересно об ульчском медвежьем празднике. Так, он, сказав много превосходных слов об исследователе ульчей этнографе А. М. Золотареве, заметил, что последний не совсем точно записал по-ульчски название медвежьего праздника.



Ульчские обрядовые музыкальные инструменты

Этюд четвертый:
прерванный полет

Лонки ушел из жизни не очень молодым человеком, но он до конца своих дней чувствовал себя нужным и, главное, на самом деле мог принести большую пользу исследованию ульчского языка и собранного фольклора. Он служил, иначе, пожалуй, не скажешь, музейному делу. Разработал свою систему хранения старинных вещей аборигенов, знал какую-то тайну их сбережения в веках. В его планах было написание книги о роли вещи в контексте культуры. Для Лонки вещи были живые, он часами рассматривал халаты, сшитые Очу Росугбу, пояса, сотворенные руками Зои Пластиной, медвежьи ковши, выдолбленные и орнаментированные ульчскими резчиками. П. В. Лонки разговаривал с вещами. Он знал о них все: истоки их зарождения, историю жизни каждой из них, их таежную эстетику, особую, манящую своим ароматом.

Хорошо помню П. В. Лонки в его последний приезд в Хабаровск. Он, как всегда, остановился на несколько дней в нашей квартире. В этот приезд он был каким-то тихим. Тишина была как бы разлита во всем его облике. Он не жаловался на нездоровье. Ульчи вообще никогда не жалуются, не говорят о своих болезнях, они, как правило, поднимаются над всем этим. И еще. У Лонки не было никакого страха перед болезнью и даже смертью. По моим наблюдениям, страх вообще не свойственен для ульчей. И не только страх, а еще — уныние. Оно также не характерно для ульчей. Все мои знакомые ульчи не знали, что такое уныние. Унывать в этой жизни им было некогда. Эту черту ульчского этноса наглядно демонстрировал Лонки. Вернее, не демонстрировал, эти черты присущи внутренней природе ульчей. Сразу же по приезде П. В. Лонки дал мне понять, что приехал работать. Именно в работе он видел смысл своей жизни.

Плохо, что П. В. Лонки почти не записывал свои мысли по этнографии, искусству, музееведению... Этот ульчский Сократ все самое интересное и ценное высказывал в беседах, в его стихах и музыке была какая-то вечная песня, большая, без перерывов и пауз. Кажется, подобное творчество великий Рерих называл цветным вокалом. Но вернемся к научному (устному) наследию Лонки. В последние месяцы его жизни он особо интересовался теорией мифа. Помню, он говорил: "Слово и знак наука освоила, символ как философское явление интересует ученых уже более ста лет, а вот миф вообще не освоен в науке". Здесь же он добавил, что знает труды А. Ф. Лосева и других исследователей, и все же миф, как он выразился, не освоен. П. В. Лонки подчеркивал, что мы к мифам относимся, как к сказкам, не видя за ними ничего реального. А так ли это на самом деле? О мифах Лонки мог говорить часами. И я ругаю себя, что не записал тогда почти ничего. Отдельные фрагменты разговора лишь остались в моей памяти. Я записал от Лонки более десяти мифов. Но мне представляется, что нужно было записать его рассуждения о мифах. В них было много важного и нужного для ученых.

Через несколько дней нашего общения П. В. Лонки уехал в свое родное Богородское. Вскоре я узнал, что он умер. Я тяжело пережил смерть друга. Прервался полет его мысли, прервался полет его песни. Как не хватает нам таких людей, как П. В. Лонки, и как хочется, чтобы среди ульчей появились новые исследователи, ученые и поэты. Уверен, что так будет.

ЛОДКИ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Владимир ИВАНОВ, старший научный сотрудник Хабаровского музея археологии
Фото Николая СПИЖЕВОГО

Когда говорят о Великом шелковом пути, обычно представляют караваны верблюдов, бредущих по песчаным барханам и диким степям. Между тем у этого огромного торгового пути были и иные маршруты, уходящие далеко на северо-восток. Один из таких путей пролегал по Амуру, Сахалину и заканчивался в Японии. А перевозили товары в этом случае на лодках особой конструкции, вместительных и быстроходных, способных выдержать немалую волну. И, конечно, обзавестись такими старинными лодками в качестве экспонатов хотели бы многие музеи.

Когда исследователи узнают, что целая флотилия таких лодок собрана в этнографическом центре ульчского села Булава, они искренне удивляются. Вот это коллекция! А собрал ее директор местной школы искусств Юрий Куйсали, самобытный художник и резчик по дереву, чьи работы вызывают интерес у российских и зарубежных этнографов и искусствоведов.

Вырезать из дерева он может что угодно: и фигурку идола-сэвэна, и замысловатую шкатулку, и богато орнаментированную утварь. Эти оригинальные изделия хранятся здесь же, в этнографическом центре, и удачно дополняют старинные экспонаты.

А создавать этот музей начал еще дядя Юрия, Дмитрий Иванович Ангин, бывший когда-то директором Булавинской школы искусств, он-то и привил племяннику любовь к национальному искусству, научил разбираться в старинной символике.

Многие годы музей не имел своего помещения, и экспонаты хранились в школе, пока наконец в 1991 году не решили возродить древний "медвежий праздник" и не создали этнографический комплекс. Возглавил его Юрий Куйсали, которому довелось поработать и плотницкими инструментами, соорудить для музея великолепную деревянную постройку в ульчском национальном стиле. Здесь же художник проводит и экскурсии, увлеченно рассказывает о старинных экспонатах.

Их в музее собрано свыше пятисот. Это и традиционные сэвэны, и ритуальная посуда, и серебряные маньчжурские бляхи, одну из которых побывавший здесь профессор из Японии определил как "каси", или "счастье" — символ власти местного "старшинки".

Кстати, ученые из Японии здесь частые гости. Уже несколько раз приезжал сюда профессор национального музея этнологии Японии (г. Осака) Кодзуёси Оцука. Вначале он интересовался местными и привозными тканями, коврами, халатами, попадавшими на Амур во времена Великого шелкового пути, затем дотошно исследовал старинную посуду ульчей, попутно договорившись об экспонировании коллекции из Булавинского музея в национальном музее этнологии Японии, которая состоится в нынешнем году.

А когда К. Оцука увидел здесь старинную ульчскую лодку, украшенную магическими орнаментами, то решил приобрести такую же для своего музея и сделать ее центральным экспонатом будущей экспозиции.

Но старинные экспонаты не продаются, а их современные копии, то бишь лодки в натуральную величину, ульчские мастера не изготавливают уже лет двадцать. И все же нашлись умельцы, которые взялись за этот непростой заказ.

И лодка получилась отличной! С точным соблюдением конструкции и всех деталей отделки: даже голову гагары мастера вырезали из березы, чтобы она зорко смотрела вперед, избегая мелей и подводных камней, да еще с помощью дедовского трафарета вывели на носу лодки магический символ, используя для этого, как и в старину, краску из жирной сажи и лососевой икры. Вот такая рецептура была у таёжников!

Самый пожилой из мастеров, Борис Иванович Дяфу, даже расчувствовался, когда проводил обряд освящения лодки: дескать, вот уж не думал, что еще когда-нибудь возьмусь за изготовление такой красавицы!

Давным-давно, еще в начале девятнадцатого века, на подобных лодках плавал в низовьях Амура знаменитый японский путешественник Мамия Ринзо. Сохранились и старинные японские гравюры с изображением лодок амурских аборигенов. Но сам секрет их изготовления, казалось, был утрачен навсегда. Так считали японские исследователи. И тем неожиданнее, приятнее стала для профессора К. Оцуки встре-

Самобытный ульчский художник и резчик по дереву Ю. Куйсали делает все, чтобы сохранить традиции своих соплеменников

ча с булавинцами, сохранившими не только навыки изготовления лодок, но и старинные обряды и поверия, рыбацкие обычаи.

Изготовили лодку местные мастера Б. Дяфу, В. Ходжер, В. Таракан и художник Ю. Куйсали, который к тому же соорудил в лодке традиционный берестяной навес, а саму ее украсил древними магическими узорами. Затем лодку доставили в кузове грузовика до порта Де-Кастри, а далее на борту судна — в Японию.

А вообще амуро-сахалинское ответвление Великого шелкового пути, изучением которого занимаются профессор К. Оцука и его коллеги, превышало три тысячи километров. Конечно, никому из тогдашних купцов не приходило в голову отмахать его на веслах от начала и до конца: обмен товарами осуществлялся поэтапно, от одних народностей к другим, использовались разные типы

Народные умельцы Б. Дяфу, Ю. Куйсали и В. Ходжер, конечно же, гордятся своей лодкой

лодок, и ульчские были одним из звеньев в этой транзитной цепи.

Исследуя её, профессор К. Оцука вместе с другими японскими этнографами, а также со своей неизменной спутницей, супругой госпожой Такако, за шесть полевых сезонов проехал с востока на запад тысячи километров, начав свой путь в древней столице Японии Киото, и вплоть до Маньчжурии, расширяя и углубляя каждый раз область знаний.

В течение четырех полевых сезонов японским коллегам помогали специалисты Хабаровского краеведческого музея, а сама экспедиция получила статус международной. С российской стороны прошлым летом ее возглавлял археолог Н. Спижевой, сам заядлый яхтсмен, участник многих речных и морских походов, который планирует с другими хабаровскими исследователями пройти на веслах до самой Японии, используя для этого лодку нивхского или айнского типа для морского плавания. Но это пока дело будущего, а вот на ульчской лодке Н. Спижевой уже поплавал гребцом, японскому же профессору отвели почетное место под берестяным навесом и также покатали по Амуру.

В каждой экспедиции японские коллеги делают упор на то или иное направление этнографии. И такая многолетняя комплексная экспедиция принесла интересные научные результаты.

В частности, профессор К. Оцука пересмотрел бытующее среди зарубежных ученых мнение, будто русские купцы в старину наживались на торговле с народностями Амура, скупая у них за бесценок пушнину и сбывая залежалый товар. "Это неверно, — считает японский ученый. — Не надо забывать, что русские и китайские купцы привозили товары более высокого качества, и это культурное влияние хорошо прослеживается в этнографии. Кроме того, на Амуре происходил естественный процесс сближения народов, взаимообогащение культур, межнациональные браки. И этому также много подтверждений".

Да, жизнь коренных народностей Амура не была изолированной. Как не раз говорил профессор К. Оцука, в старинных письменных источниках Японии сохранились, к примеру, упоминания о неких людях "сантан", или "торговых людях", приплывавших двести лет назад на десятивесельных лодках с Нижнего Амура, и это были не айны и не нивхи с Сахалина, с которыми общались японцы, а, вполне возможно, ульчи или даже жившие выше по течению нанайцы. В японских музеях сохранилась даже одежда людей "сантан", изготовленная из рыбьей кожи, а "людьми в рыбьей коже" первые европейские миссионеры, прибывавшие из Маньчжурии на Амур, называли гольдов, или нанайцев, и родственных им ульчей.

Кстати, китайская одежда, доставляемая из Приамурья в Японию, называлась "сантанской", а сами ульчи и нанайцы — через посредничество нивхов и айнов — охотно приобретали японские чугунные котлы, бисер и маленькие лакированные пиалы.

Так что приобретение настоящей ульчской лодки профессор К. Оцука считает большой удачей. И сотрудничество самобытных булавинских мастеров с российскими и зарубежными этнографами продолжается.

ЭВЕНКИ

Эвенк (самоназвание). Численность в России – 29,9 тыс. человек. На территории Хабаровского края эвенки живут преимущественно на территориях Аяно-Майского и Тугуро-Чумиканского районов. Общая численность – 3 840 человек (по данным переписи 1989 г.).

Эвенки сложились на основе смешения местного населения Восточной Сибири с тунгусскими племенами, расселявшимися из Прибайкалья и Забайкалья. С конца I тысячелетия н.э. в результате этого смешения образовались различные хозяйственно-культурные типы эвенков: "пешие" (охотники), "оленные", орочен (оленеводы), конные, мурген (коневоды). Контакты с русскими начались с 1606 г. К середине XVII в. эвенки были обложены ясаком. На Нижнем Амуре и о. Сахалин этот народ появился в XIX веке.

Основные занятия "пеших" эвенков – охота на оленя, лося, косулю, кабаргу, медведя и др. Позднее распространилась товарная пушная охота. Оленеводы охотились верхом на оленях. Оленеводство имело в основном транспортное значение.

Рыболовство имело подсобное значение. По воде передвигались на плотах (тэму), лодках с двухлопастным веслом – долбленых, иногда с дощатыми бортами (онгочо, утуннгу) или берестяных (дяв).

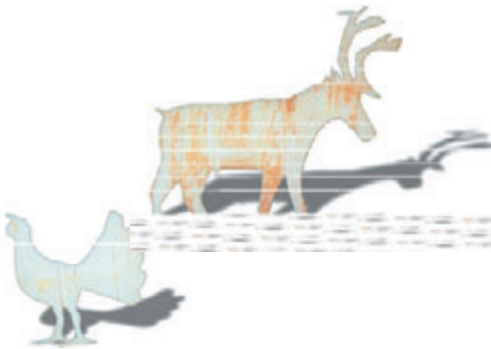
Жили эвенки в чумах. Чум (дю) имел конический остов из жердей на каркасе из шестов. В зимнее время чум покрывался покрышками из ровдуги (нюками) или шкур, летом – из бересты. При перекочевках каркас оставляли на месте. В отдельных местах поселений эвенков известны полуземлянки, срубные жилища, заимствованные у русских, а также якутские юрты-балаганы. У оседлых эвенков Приамурья были четырехугольные бревенчатые жилища, напоминающие фанзу.

Традиционная одежда эвенков состояла из ровдужных или суконных натазников (хэрки), ноговиц (фрамус, гуруми), распашного кафтана, сшитого из шкуры оленя, полы которого соединялись на груди завязками. Под кафтан надевался нагрудник с завязками сзади. Мужчины носили на поясе нож в ножнах, женщины – игольницу, трутницу и кисет. Одежду эвенки украшали полосками из козьего и собачьего меха, бахромой, вышивкой, конским волосом, металлическими бляшками, бисером.

Несмотря на то что уже с XVII века проводилось обращение эвенков в христианство, у этого народа сохранялись верования в духов, промысловые и родовые культы, шаманизм.

Эвенкийская письменность создана в 1928 – 1929 годах на основе латинского алфавита, а в 1937 году – на основе русского.

ОЛЕНЬЯ СТРАНА



Татьяна МЕЛЬНИКОВА, кандидат исторических наук, главный хранитель фондов ХККМ
Фото В. СПИДЛЕНА

На языке эвенков Хабаровского края игра – *эвикан*, пойдем играть – *эвинагат.* Игра в "оленей" – наиболее распространенная у эвенкийских детей, что легко объясняется спецификой деятельности их родителей. Оленей в этой игре обозначали самым разным подручным материалом: ветвями багульника, рогами оленя, камнями, раковинами, фигурками из бересты. Играли в "оленей" и мальчики, и девочки.

Дети эвенков, кочевавших на территории современного Верхнебуреинского района Хабаровского края, в ходе игры изображали оленей веточками багульника без листьев. Евдокия Артамоновна Диодорова вспоминала, что самыми большими ветвями они обозначали оленей — быков и грузовых оленей, веточками поменьше — маток, а самыми маленькими — оленят-тугуток. Набирали таким образом ребятишки целое стадо — как у родителей. Во время игры ветки втыкали в землю или привязывали веревками и таскали за

ЭВЕНКИЙСКОЙ ДЕТВОРЫ

Игрушки из бересты. Выполнены М. А. Дячковской (с. Аим) и С. Тимофеевым (с. Нелькан). 1990 г. Из фондов ХКМ

Игрушечное эвенкийское оленеводческое стойбище: чум в дурда, загоны с оленями-ракушками. Табор Барбаши (Тугуро-Чумиканский район). 1993 г.

собой — "стадо пасется". Для своих игрушечных оленей дети строили игрушечные загоны, для "людей" — чумы, которые складывали из веточек или обозначали камнями по периметру, а четырехугольный камень выполнял роль печи. Багульником в игре "олени" пользовались дети эвенков таежных районов, кочевавших вдали от крупных рек и морских побережий.

На берегах рек и морском побережье для этой игры дети использовали камни-голыши, различавшиеся по размерам. Кроме того, подбирали камни и по цвету: пятнистые, черные, серые — "разные, как олени". Людей изображали продолговатыми, удлиненными камнями — "ведь люди не круглые". Когда игрушечное стадо "кочевало", на спины грузовых оленей укладывали маленькие камушки — вьючные сумки.

В 1993 году мне довелось наблюдать игру в "оленей" среди эвенкийских детей, живших на каникулах у родственников — оленеводов на временном таборе Барбаши на берегу Охотского моря. На этот раз "оленями" были морские раковины: ездовые и грузовые — крупные черные панцири морских моллюсков, матки — черные и белые раковины поменьше, тугутки — маленькие раковины моллюсков и улиток, а также их фрагменты.

Но чаще всего эвенкийская детвора играла в "оленей", вырезанных из бересты. Если ветви багульника, камни-голыши, раковины были условными игрушками, и только с помощью детской фантазии превращались в оленей, то берестяные фигурки довольно точно изображали реальных животных. Из бересты вырезать оленя начинали с его задней ноги. По свидетельству Агнии Васильевны Соловьевой, каждый мальчик мог вырезать себе оленя, собаку, всадника... В детские годы Агнии Васильевны эвенкийские мальчишки в игре изображали оленей палками, подобными посохам отцов-оленеводов. Садясь на них верхом, они говорили: "Поехали!". Палки орнаментировали: если на коре вырезали геометрические узоры, получался "пятнистый олень", если полностью снимали кору — "белый олень" и т. д.

До сих пор у эвенкийских детей распространена традиционная игра, которую условно можно назвать "кораблики". Суть ее в том, что ребята отмечают на берегу у кромки воды населенные пункты, например, Чумикан, Алгазея, Тором и водят между ними игрушечные лодки, перевозя на них " грузы" и "людей". Мальчики делают свои лодки сами (или их более старшие друзья), довольно точно воспроизводя конструкции моторных лодок и лодок-долбленок.

Эвенкийские девочки играли в куклы. Их называли русским словом *кукла* или эвенкийским — *хутэкэн* — "ребятенок". Кукол делали девочкам сначала их мамы и бабушки, а затем и они сами.

Создавая куклу, эвенкийская девочка скручивала тугим рулончиком кусок бумаги, лоскут плотной ткани, перетягивала его нитками. Из цветного лоскутка девочка вырезала треугольник "платка" или мастерила шапку-капор для куклы, обмотав поверх ниткой. Прямоугольный кусочек ткани, которым плотно обматывалось туловище куклы, сшивался сзади и превращался в женское платье или мужскую куртку-рубаху. Глаза кукле рисовали при помощи обожженной спички, губы — соком брусники. Чтобы игрушка стояла, нижнее отверстие рулончика делали шире при помощи пальца.

Девочки мастерили кукол по количеству человек в их семье. Агния Васильевна Соловьева выполнила для Хабаровского краеведческого музея игрушечную семью — так же, как в детстве. "Это я, это *эвэка* — бабушка, это *эхэка* — дедушка, это *эня* — мама, это *ама* — папа", — комментировала Агния Васильевна каждую куклу. — Это Вера, Майя, Дуся, Капа, Надя, Вася. У моих родителей было девять детей".

Еще эвенкийские девочки шили тряпичных кукол. Их набивали мокрым мхом, чтобы больше вошло и фигурка была тяжелее, когда высохнет. Волосы такой кукле делали из черного длинного мха с деревьев, пришивая его по пробору.

Эвенкийские мальчишки с удовольствие играли лапками гусей и рябчиков — "за жилку дергали". Девочки использовали хвост рябчика, как веер.

В последнее десятилетие эвенкийские дети стали играть со своеобразной головоломкой (или мозаикой), возникшей, видимо, под влиянием аналогичных игр промышленного производства. Для этого требуется круглый или овальный камень — голыш, который разбивают на несколько кусочков, перемешивают, а затем пытаются восстановить первоначальную форму. В целом же большинство традиционных игр эвенкийских детей копировало хозяйственную деятельность их родителей и носило обучающий характер.

Куклы эвенкийских девочек первой половины XX века. Выполнены А. В. Соловьевой. 1995 г. Из фондов ХКМ

ЦВЕТ НЕБЕС, ЗЕМЛИ И СОЛНЦА в эвенкийском орнаменте

Вера ДЬЯЧКОВСКАЯ

Вера Семеновна Дьячковская (дочь знаменитой мастерицы из Аима Марии Афанасьевны Дьячковской) — директор интерната при Нельканской школе. Окончила художественно-графический факультет Хабаровского педагогического университета, занимается проблемами теории и практики эвенкийского орнамента, его сохранением и развитием.

Чепалова А. Д. Род. 1915. **Ковер.** 1984 Мех, мозаика; 156х74. Эвенки. ДВХМ. Хабаровск

Эвенки — некогда один из самых многочисленных кочевых народов Севера, расселенных по всей территории Сибири, Дальнего Востока, частично в Монголии и Китае.

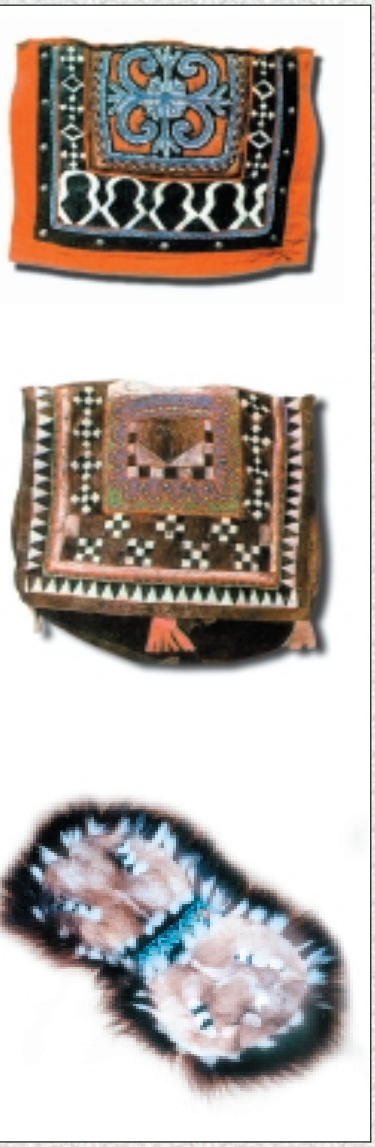
Вся жизнь эвенков проходила в дороге. Кочевой образ жизни, суровый климат, да и сама природа стали как бы сообщниками в создании уникальной цивилизации, на многие века оторванной и закрытой для других народов. Именно здесь, "где небо сходится с землей", среди бесконечных снегов, под соцветием полярного сияния, богатой и прекрасной природы сложились песни и легенды северян.

Последние столетия, перевернувшие ход истории многих народов, почти не коснулись северян, не нарушили своеобразный уклад жизни, свой особый отсчет времени. Эвенки, как и многие другие народы Севера, сохранили свое миропонимание и традиции древности. В бытовых изделиях, особенно в одежде северян, много общего. Это продиктовано, скорее, климатическими условиями. Но особое место занимает орнамент — это своего рода визитная карточка народа. Где бы мы ни встретили нарядную парку, малицу, шубу, торбаса или коврики-кумаланы, художественная отделка безошибочно укажет их адрес.

Эволюция орнамента имеет глубокие корни, отражает образ мышления народа, поверья, символы, заключенные в определенную форму и цвет. В своих работах древние мастерицы часто использовали белый подшейный волос оленя, который усиливал основную цветовую гамму меховых изделий. Фоном для вышивки также служила подкрашенная в красный и черный цвет ровдуга. Сочетание этих трех цветов символизирует солнце, землю и снег. Позднее появляется непрозрачный бисер, по преданиям доставлявшийся купцами из Индии. Бисер вытачивался из океанских раковин. Он необычайно разнообразен по форме, размерам и оттенкам. Мастерицы очень ценили его и бережно переносили из старых изделий на новые. Большое распространение получил китайский фарфоровый бисер.

Орнамент обогащается новыми красками, но присутствие цвета неба, земли, солнца — обязательно.

Возможно, черный цвет был связан также с образом гагары — священной птицы. Многие легенды эвенков утверждают, что именно гагара сотворила землю. Стилизованную фигуру этой птицы можно встретить на костюме шамана. Трилистник, или так называемая птичья лапка, обязательно сопровождает перекидную суму



оленьей упряжки, служа оберегом. Настоящим произведением искусства являются праздничные мужские и женские костюмы из ровдуги, отделанные цветным сукном, мехом и бисером. Особая роль в костюме отводилась нагрудникам. Разноцветные строчки бисера разделяют всю плоскость нагрудника на несколько сфер, значение которых уже не поддается расшифровке. Полоски бисера плотно покрывают пояс, ритмично меняя цвет, местами вспыхивая красными искорками, словно это бесконечные дороги наших предков с отсветами костров.

К сожалению, оборваны дороги предков, забыты многие секреты мастерства. Но живет в сердцах надежда найти свой потерянный путь, вернуть в нашу жизнь гармонию и красоту.

В материале использованы фотографии экспонатов, любезно предоставленные Дальневосточным художественным музеем и Хабаровским краеведческим музеем.

НЕГИДАЛЬЦЫ

Негидальцы – от негда – "береговой", "крайний" (на языке эвенов). Самоназвания: илькан бэйенин, на бэйенин ("здешний", "местный"), амгун бэйенин ("амгунский человек").

Живут в Хабаровском крае (497 чел., по данным переписи 1989 г.) по рекам Амур и Амгунь, главным образом в районах Николаевском, Ульчском, им. П. Осипенко. Численность в России – 622 чел. Часть негидальцев в значительной степени ассимилирована ульчами и нивхами. Говорят на негидальском языке тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи. Диалекты – низовской, верховской. Распространен русский язык.

Основу традиционного хозяйства составляли рыболовство и охота. Сохранялось родовое деление. Большое социальное значение имели территориально-соседские общины, регулировавшие жизнь в селениях и семьях. Существование общины обеспечивало постоянную взаимопомощь всех жителей селения.

Негидальцы официально были обращены в православие, но сохранили анимистические традиционные верования.

Тайна ВРАЧУЮЩЕГО ОЛЕНЯ

Владимир ИВАНОВ, старший научный сотрудник Хабаровского музея археологии

Однажды в детстве к ней привели "врачующего" оленя. Рогатый зверь наклонился над прихворнувшей девочкой, раздул ноздри, обдал жарким дыханием. Ребенок боязливо разглядывал оленью морду, прислушивался к звукам бубна и голосу шамана, упрашивающего зверя вытянуть хворобу из детского тельца. Животное покорно обнюхивало больную, и той делалось легко, жар будто спадал, глаза зверя казались ей добрыми, загадочными...

Эту историю я услышал в негидальском селе Владимировка, что на реке Амгунь, от пожилой мастерицы Александры Николаевны Казаровой. Было это лет пятнадцать назад, когда шаманская тема, мягко говоря, не приветствовалась, но мне она всегда казалась интересной. Потому, наверное, и поведала мне собеседница о скрываемом от чужаков шаманском обряде и о загадочном белоснежном олене, унесшем ее некогда в мир фантазий.

С той далекой детской поры Александра Николаевна вспоминала об олене всякий раз, когда садилась за рукоделие. Шила она торбаса, меховые коврики-кумаланы, рукавицы, халаты, украшала их причудливым орнаментом. У каждого узора свой смысл. Сведешь их, разгадаешь, и вот уже пригоршня бисера звездами рассыпалась над тайгой, цветная тесьма превратилась в охотничью тропу, а лоскуты меха обернулись сохатыми, медведями, росомахами.

Детишкам, конечно, такое причудливое рукоделие, да еще сопровождаемое увлекательным повествованием, казалось поинтереснее любой сказки. И уж тем более скучноватых уроков в районном интернате, где детям потомственных охотников и оленеводов объясняли, что шаманизм — пережиток прошлого и никаких там загадочных оленей никогда не существовало.

Действительно, оленьи стада в Приамгунье за годы колхозной жизни "успешно" ликвидировали, а самих негидальцев переселили пусть даже в симпатичную и благоустроенную, но ничем не напоминающую их прежнюю жизнь Владимировку. Поэтому и будоражили воображение детишек рассказы бабушки Александры Николаевны, а облюбовавшие коврик-кумалан оленята вдруг... затевали веселый хоровод вокруг своей матери-оленухи!

"Олени" наши даже до Японии добежали, с гордостью говорила мне Казарова, имея в виду великолепные кумаланы и прочие декоративные изделия негидальских мастериц, экспонировавшиеся на международных выставках. Ну а в России тем более эти изделия хорошо известны художникам и искусствоведам, выставлены во многих музеях. Удивительно, но самый малочисленный народ в Приамурье, насчитывающий всего несколько сот человек, опережает по количеству членов Союза художников СССР, а ныне России, иные более крупные этносы. Впрочем, талант народа не зависит от его численности.

Конечно, вспоминая не без грусти о прежнем традиционном укладе, ныне утерянном, пожилые негидальцы в то же время гордятся своими детьми и внуками, окончившими институты и сумевшими найти себя в новом и непривычном мире. Вот и дочь Казаровой, Мария, тогда еще будущий геофизик, помнится, могла при случае рассказать матери целую лекцию о геологических особенностях Приамгунья. И все же вышивка кумаланов казалась ей поинтереснее. И, подражая матери, она брала лоскутки замши-ровдуги и украшала их узорчатой вышивкой, стремилась сшить так, чтобы на ковриках была и тайга, и зверь, а сам человек был не только добытчиком, но и другом природы, ее заботливым хозяином. И, конечно, вспоминал бы с благодарностью того доброго и наделенного магической силой оленя, что оберегал его в детстве.

ЭВЕНЫ

Эвен (самоназвание), устар. русс. – ламуты ("приморские жители" – от эвенкского "ламу" – "море"). Живут локальными группами в Якутии, Магаданской и Камчатской областях, Чукотском и Корякском автономных округах, Хабаровском крае (Охотский район). Общая численность – 17,2 тыс. человека. В Хабаровском крае – 1 882 человек (по данным переписи 1989 г.).

В XVII веке, с началом контактов с русскими, эвены испытали их сильное влияние. С двадцатых годов XX в. большая часть эвенов переходит к оседлости, распространяется массовое двуязычие.

Традиционное хозяйство эвенов – крупнотабунное оленеводство, охота и рыболовство. По воде передвигались на лодках-долбленках, которые покупали у соседних народов. Мужчины занимались кузнечеством, обрабатывали кость, дерево, плели ремни, кожаные арканы и упряжки. Женщины обрабатывали шкуры, выделывали ровдугу и т.д. Железо и серебро эвены получили путем обмена с якутами, а позднее с русскими.

Жилища у эвенов было двух типов: конический чум *дю*, крытый шкурами, ровдугой, рыбьей кожей, берестой, близкий к эвенкийскому, и *чорама – дю* – чум цилиндро-конической формы. Оседлые эвены жили в землянках *утан* с плоской крышей и входом через дымовое отверстие. Позднее появились срубные жилища *уран.*

Традиционная одежда, мужская и женская, близка к эвенкийской.

Родственные и не родственные семьи эвенов объединялись в стойбищную общину. Был распространен обычай *нимат*, который обязывал охотника отдавать часть добычи соседу.

Несмотря на обращение в православие, у эвенов существовали промысловые культы: медведя, духов – хозяев природы, сохранялся шаманизм.

Евгений ТРОФИМОВ
Рисунки Александра ОВЧИННИКОВА

Сопка Икалкан

Эвенская сказка

Никто не может сказать, когда это было. Тогда еще эвены не знали, что такое нартовая упряжка. Даже не догадывались, что можно оседлать оленя. Не ведали, что такое лыжи. Многие родовые стойбища очень редко общались друг с другом. Жили одиноко десятилетиями.

В одном таком стойбище много лет рождались только девочки. Постепенно все мужчины вымерли. Остались в стойбище одни старушки, женщины и девушки. Не сказать, чтобы они голодали — копьем и луком умело владели женщины, да и зверя всякого тогда хватало, но тосковало женское стойбище без мужчин. Соберутся у костра и поют песню:

Тохт, тохт — огонь, огонь! Мы бросаем тебе
Улла —мяса...
Мы просим тебя: посмотри холлаки — вверх!
Куда ушли мужчины наши? Верни их нам, тохт-тохт!

Огонь поедал мясо, потрескивал. Ничем он не мог помочь женщинам. Но они верили огню и продолжали вечерами петь.

В стойбище жила одна красивая девушка с длинными черными косами и звали ее Ягды. Она тоже пела у костра, но когда все засыпали в юртах, она уходила в тайгу. Там Ягды забиралась на небольшую сопочку и начинала петь свою песню:

Когда волчицу убивают, волк остается один,
Он другую волчицу миловать не будет!
А здесь мы убитыми оказались волчицами...

Однажды за ней следом пошла подруга. И когда Ягды запела про волков, она подошла к ней и спросила:

— О чем ты поешь? Ведь мы живые. Вот потрогай меня, я — живая! Но Ягды продолжала петь:

Я не зову вас, мужчины, от предков обратно к нам,
Как женщины у костра зовут.
Вы никогда не вернетесь, я понимаю одна, одна.
Бегх, бегх — Луна, луна! Есть же звезды с тобою рядом,
Я уверена, что это цветами таежными люди цветут —
Пошли же к нам юношей и мужчин из этих соцветий!
Пусть они нас оживят, мы неживыми по земле ходим —
Никичан — уткой к ним улечу, позову в стойбище наше,
Песней к ним в сердце улечу! Бегх — луна, помоги взлететь,
И я никогда не пожалею об этом,
А не то даже капли воды на земле из родника не выпью
И умру здесь, на каменной сопке от голода —
Отрезаю свою косу в доказательство истины моих слов!

—Что ты поешь, грешница? — закричала подруга, отнимая из рук Ягоды острый каменный нож, которым девушка уже отвалила длинную черную косу и бросила под ноги на холодные камни и, оттолкнув подругу, Ягды протянула к луне руки с распростертыми ладонями.

Еще яростнее закричала подруга и побежала в сторону стойбища, когда Ягды отделилась ногами от сопки и полетела в звездное небо, растворяясь в лунном сиянии.

Все решили, что в Ягды вселилось арийтен — привидение. Никто не осмеливался подняться на сопку, на которой она пела. А время шло и катилось шаманьим бубном, как катится луна меж затуманенных сопок и гор.

Однажды на плотах и в лодках-долбленках приплыли в стойбище по быстрой горной реке несколько юношей и

мужчин. Удивились и те, и другие неожиданной встрече. Много мяса жарили над костром. Много пили чаю, заваренного пахучей березовой чагой. Много пили хмельного настоя из болотных трав и мухоморов.

— Как вы нас нашли? — спросила юношу Отани-волна подруга Ягды.

— Сидим как-то у костра и слышим: над нами в воздухе кто-то поет. Посмотрели в звездное небо, а там никого нет. Напугались и разбежались по юртам, старикам сказали. Те тоже напугались. "Арийтен — приведение", так все решили сначала. А песня над юртами кружится и звенит. Привыкли к ней вскоре и уже не обращали внимания, но у каждого в сердце что-то жгло такое, о чем не рассказать. Вот старейшина и говорит, собрав нас у костра:

— Я тоже через силу терплю это, как и вы, мол, небесный дух покружит и улетит в никуда, потому что прилетел из ниоткуда. Но это, видно, не так, как мы думаем. Вяжите плоты и гоните вниз по реке. Разведайте.

— Спой ту песню, которую слышали с неба, — попросила подруга Ягды. И юноша запел. В это время все собрались у костра:

Я звала мужчин и юношей с далеких небесных звезд,
Но разве могут они услышать мой стонущий голос?
И я нашла вас, земных юношей и мужчин,
Так мне волшебная луна подсказала.
Я зову вас в стойбище к женщинам и девушкам.
Плывите, спешите на плотах и в лодках вниз по реке.
Там несчастье большое с ними приключилось!
Выручайте их продлением жизни на земле!

Подруга Ягды сразу узнала песню.

—Да это же Ягды пела! — воскликнула она и объяснила пришлым мужчинам и юношам, что у них случилось не так давно.

Все вместе пошли на сопку, с которой улетела девушка. И нашли на ее вершине большую черную косу. И там же назвали люди эту сопку Икалкан-песня.

Так девушка Ягды превратилась в песню. Дали люди имя Икалкан и речке, которая впадает в более крупную речку Нява. А Нява впадает в большую реку Улья в Охотском районе. На развилке речек и стоит эта сопка...

Судьбу Евгения Трофимова вряд ли можно уместить в обычные рамки. Много в ней странного и необъяснимого. Боцман рыболовного сейнера, просоленный суровыми морями, он за свою жизнь скопил лишь одно богатство – потрясающее собрание эвенского фольклора.

Евгений Трофимов, сотрудник радиопрограммы "Голос из России" Кадзуя Окоаа, Александр Овчинников

Почти тридцать лет, путешествуя по Магадану, Камчатке, Якутии и Охотскому побережью, Трофимов собирал сказки, мифы, легенды эвенов, бережно относясь к народной мудрости. В полутемных чумах, у костров он записывал то, что рассказывали ему северные жители, и надеялся, что когда-нибудь люди смогут прочесть эти сказания и почувствовать, как прекрасен мир эвенов. Надежды сбылись. В 1998 году в Хабаровске вышла в свет книга "Сказки золотого оленя", иллюстрации к которой сделал художник Александр Овчинников. Сегодня уже готовы рукописи и рисунки к новым книгам – "Невеста северного ветра" и "Лебеди садятся отдыхать". Творчеством Трофимова и Овчинникова заинтересовались японцы, и, возможно, в скором времени в одном из издательств Токио будут напечатаны "Сказки северного оленя".

УДЭГЕЙЦЫ

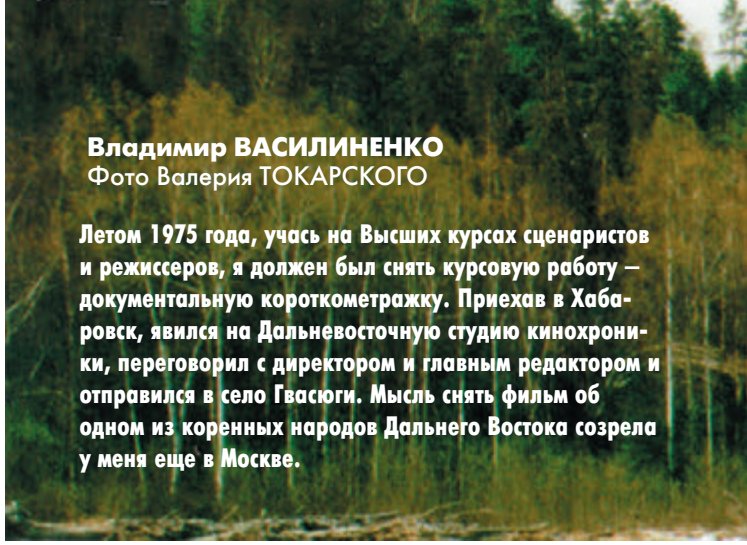
Удэгейцы – удэ, удэхе, удихэ (самоназвание). Живут в Хабаровском и Приморском краях (районы им. Лазо, Хабаровский, Пожарский, Красноармейский, Тернейский). Общая численность около 2 тыс. человек. На территории Хабаровского края – 677 человек (по данным переписи 1989г.).

В этногенезе северной группы удэгейцев прослеживаются отдельные палеоазиатские элементы, у южных удэгейцев – древнекорейские, бохайские, тюркские, тунгусские, маньчжурские. В 1860-х годах, когда началось освоение Уссурийского края русскими, взаимодействие с новопоселенцами оказало существенное влияние на экономику и культуру удэгейцев.

Традиционное хозяйство основывалось на охоте и рыболовстве. Промысловые орудия носили индивидуальный характер: пушного зверя добывали в основном ловушками, для добычи крупных животных пользовались самострелами, копьями, приманивали зверя звуками берестяной трубы. Лук со стрелами (не смотря на то, что оружие было известно уже в 19 веке) оставался "универсальным" оружием и в 20 веке. Для обитателей притоков реки Уссури характерны и другие промыслы – пантовый, женьшеневый.

Селения удэгейцев были малочисленными и разбросанными на десятки километров одно от другого.

Религиозные верования имели локальные различия у удэгейцев разных территориальных групп. У приморских и амурских удэгейцев среди духов-хозяев значительное место занимали духи воды: касатка (ей приносили жертвы), дух – хозяин рыб, хозяйка лососевых Мамаса давани и др. Повсеместно почитали Буа – духа-хозяина вселенной, Онку – духа тайги и гор. Удэгейцы почитали тигра, молились его следу. Добыв медведя, непременно устраивали всеобщую трапезу, во время которой соблюдалось множество табу. Со множеством запретов связан и культ духа огня Пудя. Духу-хозяину гор приносили жертвы в горах и на перевалах. Для покровительницы охоты Сангия мама устраивали жертвенник (в качестве жертвенной пищи были кусочки рыбы) у дерева недалеко от селения, жгли багульник.



Владимир ВАСИЛИНЕНКО
Фото Валерия ТОКАРСКОГО

Летом 1975 года, учась на Высших курсах сценаристов и режиссеров, я должен был снять курсовую работу – документальную короткометражку. Приехав в Хабаровск, явился на Дальневосточную студию кинохроники, переговорил с директором и главным редактором и отправился в село Гвасюги. Мысль снять фильм об одном из коренных народов Дальнего Востока созрела у меня еще в Москве.

Я приехал в Гвасюги накануне 9 Мая. Найдя правление, познакомился в нем с председателем сельсовета В.Т. Кялундзига. Сообщил ей, что собираюсь приехать в село снимать фильм. "О ком?" — спросила она. "О ваших земляках", — ответил я. "Хорошо, — согласилась Валентина Тунсяновна, — жить будете в интернате. Гостиницы у нас нет".

Выйдя из правления, огляделся. Внизу, под бугром, шумела неширокая протока, через которую очень живописно был перекинут плавучий мост из бревен, стянутых стальным тросом. По берегу протоки ходили темноволосые, кареглазые ребятишки с удочками... Я уже знал, что каждый из них — или Кялундзига или Кимонко. Других удэгейских родов в Гвасюгах не было. Вот об этом и будет моя курсовая работа. А назову ее — "УДЭ — значит лесной...».

Приехали мы, как и намечали, через месяц. Вместе с оператором студентом-заочником ВГИКа С. Эпштейном. В моей голове уже сложился замысел фильма. Это будет рассказ о мальчике-удэгейце. Как он проводит свои летние каникулы. Купается, рыбачит, помогает деду строгать лодку-долбленку, называемую оморочкой, слушает сказки и предания... Но одно дело задумать и совершенно другое — воплотить замысел на экране. Удэгейские ребята в отличие от наших — очень замкнутый, сдержанный народ. Попробуй в том же Хабаровске объявить конкурс на исполнение любой роли в каком-нибудь фильме — отбою от претендентов не будет! А когда мы в Гвасюгах попытались найти главного героя — ребята уклонялись под любым предлогом. Мы с оператором были близки к отчаянию. И тут случай свел нас с Георгием Ивановичем Кузьминым. Он тогда преподавал историю в школе-интернате, где мы квартировали.

Представьте себе худого, выше среднего роста человека с копной седовато-черных волос, очень живого, непосредственного, с необыкновенно быстрой речью... По-моему, он "выстреливал" до трехсот слов в минуту! Признаюсь, я научился понимать его только на третий день. Наверно, нам послала его судьба.

Выслушав наши сетования, Кузьмин деловито спросил: "Кого вы хотите снимать?" Я уже выбрал героя — восьмиклассника Диму Кимонко. "Добро", — ответил старый учитель и тут же заговорил с мальчиком по-удэгейски. Серьезно, напористо. Дима согласился без горячего желания, только из уважения к старшему наставнику.

Все шло своим чередом, но меня крайне заинтересовала личность самого Георгия Ивановича, и я решил ввести его в картину. Построить весь фильм как рассказ старого учителя. Но вот беда: записать его голос — значит безвозвратно погубить все. Если я привыкал к нему трое суток, то у зрителя нет такой возможности. Тогда было решено "тонировать" его, т.е. наложить голос актера.

С утра мы отправлялись на съемки, а вечером слушали истории, рассказанные Кузьминым. Память у него была уникальная, почти фотографическая, и помнил он так много, что мог бы написать не один том воспоминаний. Появился он в здешних местах 17-летним юношей, после окончания девятилетки. Довольно быстро изучил удэгейский язык и активно помогал в создании первого "туземного" колхоза. Эта история стоит того, чтобы рассказать о ней подробней.

Удэгейцы, как известно, были кочевым народом. Правда, кочевали они в пределах местной тайги. Но в начале тридцатых годов

УДЭ- ЗНАЧИТ ЛЕСНОЙ

Георгий Иванович Кузьмин

советская власть решила приучить их к "оседлой жизни". Был собран сход из пожилых уважаемых людей. Приехал представитель Дальсовнаркома. А Кузьмин — тогда еще совсем юный — стал переводчиком. Представитель произнес речь, Георгий Иванович перевел. Старики слушали, закурили трубки. День сидели курили, два, три... Представитель начал выходить из себя, говорит Кузьмину: "Чего они молчат?" Тот отвечает: "Думают..." "Скажи им, чтоб думали быстрей!" Кузьмин сказал. Тогда самый старый — дедушка Гольду — отвечает: "Дело-то серьезное! Надо крепко подумать". Представитель выхватил наган, стал палить в воздух. Лесные люди перепугались, говорят: "Почему "луса" (русский) сердится?!" Кузьмин объясняет: "Сердится, что долго думаете". "Хорошо. Пусть не сердится. Мы согласны". Так возник первый туземный колхоз и с ним село Гвасюги.

Открылась школа, и Георгий Иванович стал в ней преподавать. Учил не только детей, но и взрослых. Тогда было решено полностью ликвидировать неграмотность. Учениками Кузьмина стали таежные охотники, называвшие его просто — учителя. Он преподавал им все: и письмо, и счет, и литературу, и географию, и историю... Однажды с проверкой приехала инспектор наробраза аж из самого Ленинграда. Села на заднюю парту, слушает и записывает. Был урок математики.

Георгий Иванович задал довольно-таки трудную для лесных жителей задачу — речь в ней шла о километрах и часах — понятиях для тогдашних аборигенов слишком абстрактных. И вот один из них — охотник Ефу, обладавший зычным, трубным голосом, — не выдержал.

— Учителя! — гаркнул он на весь класс, — задачка больно х....! Ничего понять не могу!..

Молодой учитель готов был провалиться сквозь землю. Он вспыхнул как кумач и бросил быстрый взгляд в угол. Инспектор забилась под парту и содрогалась в конвульсиях. Крышка парты колотила ее по спине... Но все, слава богу, обошлось.

Тридцатые годы были для таежных жителей чересчур богаты событиями. В корне менялся привычный вековой уклад. Насильственная коллективизация и советизация привносили в него много неожиданных проблем. Из коренных обитателей леса делали неких усредненных "охотников-промысловиков". Было решено построить в селе больницу и открыть в ней родильное отделение. Это уже подрывало главную традицию: удэгеец должен появиться на свет в тайге. Обычай, надо сказать, жутковатый. Для роженицы строился шалаш из корья где-то в глухой чащобе. Она отправлялась туда дня за три до родов. Там лежал запас пищи и кое-что из одежды, дабы спеленать младенца.

"Я видел у многих стариков, — говорил Георгий Иванович, — на левой руке отсутствовал мизинец..." "Почему?" — спрашивали мы. "Мать откусывала, чтобы ребенок закричал". У нас в таких случаях новорожденных шлепают по ягодицам — от крика расправляются легкие. Но ведь недаром говорится: что ни город — то норов, что ни деревня — то обычай.

Больницу построили, отделение открыли. Прислали акушера-гинеколога из города, а роженицы в больницу не спешат. Наконец уговорили одну. Первую комсомолку Дусю Кимонко. "Ты комсомолка — надо пример другим подавать!" Дуся согласилась. Только легла, пришли старики, дверь с петель рвут. Вышел врач, ему говорят: "Ты мужчина — это нехорошо. Нельзя тебе там находиться!" Врач схитрил, уверяет : "Я к ней не хожу. Сестры только..." Старики не уходят. Расселись вокруг больницы, ждут... Начались роды. Заплакал младенец. Опять старики в дверь ломятся. Врач вышел, его оттеснили в сторону и — толпой в прихожую. Но дальше не идут, только трубками дымят. Врач возмущается:

— Вы что, с ума сошли?! Там же ребенок!...

— Ничего! — отвечают старики, — надо маленько подкурить. Злых духов отогнать!..

Я, конечно, внимательно перечел книжку Дж. Кимонко "Там, где бежит Сукпай" и расспросил Кузьмина об одном из главных отрицательных героев повести — шамане Иванса. Старый учитель хорошо его знал. Был он довольно высок, голубоглаз, рыжеволос и очень мало походил на удэгейца. Знал японский, китайский, английский и русский языки. Какое-то время жил в Китае. Однажды, рассказывал Георгий Иванович, возвращались они с односельчанином с охоты. Подходят к селу со стороны Хора и слышат какой-то непонятный гул... То ли шум мотора, то ли раскаты грома... Идут по берегу, видят: горит костер, вокруг него люди сидят и кто-то возле огня мечется. Спутник Георгия Ивановича, охотник-удэгеец, говорит суеверным шепотом: "Иванса!" Остановились оба. Смотрят. Шаман на вытянутых руках бубен держит, бьет по натянутой коже беличьей лапкой, что-то приговаривает и высоко-высоко прыгает, тряся за спиной ворохом всяких железок...

— А потом как пламя изо рта изрыгнет! — рассказывает Кузьмин. — Совсем, как Змей Горыныч!... Удэгейцы со страху на землю повалились...

— В Китае научился чудеса показывать? — спрашиваю.

— А где же еще? — смеется учитель, — первые фокусники в мире!..

Кроме этих увлекательных историй мы с Георгием Ивановичем частенько ходили на рыбалку, не раз сплавлялись по стремительному Хору и его протокам. Несмотря на годы был он мускулист, крепок, очень быстр и деятелен. По темпераменту — чистый холерик. Мог иногда в горячности обругать человека, но через минуту отходил и просил прощения. Охотник и следопыт был замечательный. Видимо, научился этому у своих односельчан-удэгейцев, любил которых бесконечно. Побывал под медведем и выжил только благодаря мужеству и выносливости. И тигра встречал не раз.

Не кривя душой, могу сказать, что, узнав этого человека, ты не забудешь его никогда. Это была одна из тех добрых, чистых, искренних и достойных личностей, которыми не столь богато наше Отечество. Мир его праху.

Юлия Шестакова, писатель, журналист. В разные годы в свет вышли ее книги "Новый перевал", "Лесные ветры", "Золотые ворота ", "Люди-звезды", "Огни далеких костров", "Серебряный ключ". Автор переводов стихов и прозы с болгарского, украинского, белорусского, якутского, нанайского, удэгейского, эвенкийского языков.

Юлия ШЕСТАКОВА

Тигр и человек

Удэгейская сказка

Тигр, если сказать по-удыгейски, будет куты. Можно прибавить к этому еще слово "мафа", означающее , что это "он", то есть мужчина. Быть может, старик даже. И потому в этом слове уже заранее таится уважительность: вроде бы ее не видать, а она тут. Как соль в хлебе...

Итак, Куты-мафа. Чего-чего только не рассказывают о нем! Говорят, что будто бы тигр способен прыгнуть выше дерева, что если его разозлить, то у тигра из открытой пасти огонь пойдет! И еще говорят так: лучше не трогай тигра, обходи его стороной, а станешь за ним гоняться, он все равно тебя выследит, день будет ходить, неделю, месяц, но подкараулит обязательно. И тогда прощай вся родня! От такого зверя не убежишь. Он как молния! Пока блеснет, видишь, а как потом громы загремят, уже не слыхать будет.

Верно, нет ли? Посмотрим. Об этом и сказка.

Так вот, жил в тайге Куты-мафа. Не спрашивайте, когда это было. Если сказать по-нашему, отвечу: "анана-анана", то есть давным-давно... Так начинаются почти все сказки у нас. Я хотел по-другому начать, да не заметил, как свернул на старую дорожку... А вы знаете, сколько лет прошло с тех по, как в здешних лесах человек появился? А тигр еще раньше-раньше был.

Красивая шкура досталась ему! Полосатая. Желтые полосы с белыми. Как будто на ней показаны тропы лесные: то зимняя, то осенняя, то зимняя опять, то осенняя снова. Тигра в тайге ни с кем не спутаешь. Дело такое... Но не в этом суть.

Куты-мафа ловкий был и сильный, все его боялись, всякие звери, которые на четырех ногах по земле ходят. Он за ними охотился.

Ну вот... Как-то раз, добыв себе мяса, тигр пообедал и прилег отдохнуть под деревом.

Лежит Куты-мафа под большим кедром и думает: "А ведь сильнее меня нет никого на свете. Я самый сильный!" Он уже не первый раз думал так, привык считать себя победителем. И теперь, после удачной охоты, растянувшись на мягкой хвойной подстилке, отдыхает. Кругом тишина... По травинкам ползают жуки, над кустами бабочки кружатся. Им-то что! У них — забавы. А Куты-мафа стал вспоминать, как он с изюбром дрался, да как у лосихи теленка отбивал, потом за чушками охотился. И медведя все-таки уложил. Было такое дело. Вон там, под сопкой. Пусть медведь не думает, что в тайге он хозяин... Как бы не так!

Тут Куты-мафа зевнул и закрыл глаза. Так ему спать захотелось! И вдруг слышит, кто-то будто позвал его. Или это ему сон снится? Нет, не сон. На ветке сидела птица Куа. О ней надо вот что сказать: она была вещуньей, все знала, где что делается, кто о чем думает, и могла разговаривать с кем хотела.

— Послушай, Куты-мафа! Ты считаешь себя самым сильным? Но это не так. Сильнее тебя есть! — сказала она.

Тигр, услыхав такие слова, сразу вскочил на все четыре лапы, отряхнулся и поглядел туда, где сидела вещунья с пестрым хвостом.

— Эх! Ты мне спать помешала... Зачем болтаешь? Кто сильнее меня? Кто? — Тигр даже рассердился.

Но Куа его не боялась: у нее были крылья!

— Человек сильнее тебя, вот кто! — так она ответила тигру и улетела.

Куты-мафа хотел было лечь на прежнее место, но раздумал. Что-то ему не понравилось, как с ним разговаривала птица Куа. Где она видела человека и кто он такой? Вот еще выдумала... И все же озадаченный, постоял он у кедра, послушал, как гремит ключ под обрывом, и пошел пить.

— Ладно, человек от меня никуда не уйдет, — сказал себе Куты-мафа. — Если он тут, мы с ним встретимся...

Напившись воды, тигр перемахнул через ключ и очутился в березовом лесу. Пока перепрыгивал через валежины да взбирался на сопку, испугал до смерти зайчиху, раздавил чье-то гнездо с молодыми птенцами, но не обратил на это внимания, быстро метнулся в заросли. Идет, а навстречу ему — сохатый. У сохатого рог один отломлен, на другом березовая ветка болтается, почти вся голова закрыта.

"Что за зверь? — подумал тигр. — Первый раз вижу такую голову". И спрашивает:

— Ты человек, что ли?

— Нет, — говорит сохатый, — ошибаешься. Человек совсем другой. Зачем он тебе?

— Хочу посмотреть немножко, — сознался Куты-мафа.

Сохатый отступил в сторону и говорит опять:

— Напрасно ты задумал такое дело. Человек сильный! Он может убить...

Не поверил тигр, смеяться стал и пошел дальше. Быстро идет, прямо берегом бежит, перемахивает с сопки на сопку. А сам ругает птицу Куа. Почему она про человека ничего не сказала, какой он? Есть ли у него рога? С хвостом он или, как медведь, — без хвоста? Может, он на маленьких копытцах бегает, вроде кабарги?

Думая так, Куты-мафа продолжал свой путь и через некоторое время оказался на берегу тенистой протоки, в густых зарослях ольховника, жимолости, лещины. Белая сирень уже отцветала.

Куты-мафа потянул ноздрями сладкий воздух и прислушался... Ему показалось, что за кустами кто-то есть, он почуял это, уловил даже чье-то тяжкое дыхание. Рванулся вперед и замер... Перед ним стоял изюбр. Но Куты-мафа не сразу понял, что это за зверь, точнее сказать, не узнал его тигр. Думал совсем о другом. Спина и шея изюбра были обсыпаны цветочной крупой. Он стонал, а из глаз его катились слезы...

— Вон тут кто!.. Я думал, это — человек... —сказал Куты-мафа с досадой. — Где твои большие рога? И почему ты стоишь тут?

Изюбр тяжело вздохнул, но не двинулся с места. Убегать все равно было поздно, если бы тигр затеял с ним драку. Да и бесполезно. Может, все обойдется по-хорошему?

— Я давно потерял свои старые рога, — жалобно заговорил он, — теперь у меня растут другие. Но они болят, а ты ударил по ним веткой. Не трогай меня. И сам беги отсюда. Поблизости человек ходит. Он сильный!

— Ты видел его?

— Нет, я только звон слышал, у реки, вон там. По воде далеко слыхать. На всю тайгу звенит...

Оставив изюбра в покое, Куты-мафа побежал дальше, и вскоре он достиг того места, где тихая протока соединялась со своей быстрой и шумной рекой. Тут тоже было глухо, по всему берегу росли деревья-великаны, а меж ними плотный кустарник с колючками, жгуты лиан... Сквозь эту чащобу он едва протиснулся и выскочил на открытое место. Прямо перед ним вдоль зеленой поляны медленно передвигался какой-то безрогий зверь. У него была длинная шея в черных космах и продолговатая голова с торчащими кверху ушами. Вроде бы лосиха? Нет... Пощипывая траву, гривастый зверь останавливался, хлестал себя черным хвостом и опять вперед двигался. Идет, а на шее у него что-то гремит да гремит...

Тигр подскочил к нему, стал оглядывать копыта, уши.

— Ты кто? Для чего тебе такой длинный хвост и этот звенящий пузырь на шее?

— Это не пузырь, а ботало. Я — лошадь. Человеку служу.

— Вот как раз его-то мне и надо! Выходит, ты знаешь человека? Скажи, сильный он или нет?

— Да если правду говорить, то сильный. Но бывает и не очень... Бывает слабым даже. Это смотря в чем, — уклончиво отвечала гнедая лошадь. — Зачем он тебе?

— Хочу проверить, крепкие ли у него зубы. Сможет ли он устоять против моих клыков? Где он? Как его найти?

Лошадь, понурившись, молчала, до сих пор ей не приходилось видеть тигра, она только слышала о нем от своего хозяина и теперь большими выпуклыми глазами смотрела на когтистые лапы лесного хищника, не зная, как быть. Хозяин отпустил ее пастись, а сам делом занят, работает вон там, за кривуном под сопкой.

— Найдешь, если не побоишься, — сказала она.

Тигр помчался через поляну к сопке. Оттуда слышался стук, кто-то стучал там, должно быть, человек... Куты-мафа не ошибся, он почуял запах костра...

Притаившись в зарослях, тигр не сразу дал о себе знать, стоял и разглядывал человека из-за кустов. Человек был на двух ногах. На двух! И совсем небольшого роста. Он рубил дерево, вскидывал топор над головой и с размаху бил по стволу. А тигр, издалека видя это, смеялся над ним: "Ну и силач... Одной лапой свалю. И все..."

Так думая, тигр подошел к нему сзади, но человек заметил его и опустил топор.

— Ух ты, — сказал он громко. — Зачем пожаловал сюда? Чего тебе надо?

Куты-мафа говорит:

— Пришел тебя поглядеть...

А сам смеется, клыки показывает.

Человеку немножко не по себе стало, он даже вспотел, но виду не подал и говорит, что сейчас, мол, некогда нам разглядывать друг друга, но не до того сейчас. Он следил за подрубленным деревом, кверху смотрел. Потом крикнул изо всей силы:

— Эй! Отойди, отойди! Видишь, дерево падает!

Куты-мафа отбежал в сторону, только успел спрятаться под большущей липой, как дальше оглушительный треск. Что там, громы небесные! Падая, тополь сломал другие деревья и ухнул на землю так, что все кругом задрожало, зеленые листья роем поднялись в воздух. Тигр от страха зажмурился, а когда открыл глаза, понял, что жив, но на всякий случай отступил еще дальше. Гулкое эхо перекатывалось в горах.

"Такое дерево свалил... Значит, и в самом деле он имеет большую силу. А сам маленький. Где-то прячет ее", — подумал Куты-мафа, приближаясь к человеку снова.

— Покажи, где у тебя сила. Потом я тебе свою покажу, — настаивал тигр, но уже не смеялся.

Человек бросил свои дела и говорит:

— Хорошо. Я согласен. Только послушай меня. Сейчас будет удар пострашнее первого. Ты от него спрятаться не успеешь. Поэтому я должен о тебе позаботиться...

Человек взял веревку и стал привязывать тигра к стволу дерева. Обходит полосатого кота со всех сторон, вяжет узлы, а сам успокаивает: не бойся, говорит, так будет лучше.

Вот привязал он тигра к дереву, но топор уже не берет, отошел в сторонку, где недавно мелкие деревья рубил, там у него на пеньке ружье лежало, и думает про тигра: "Сейчас я тебе покажу свою силу"... А на ветке ворона сидела — карр! да карр!

Молчит Куты-мафа, привязанный, только глаза вытаращил, смотрит, что дальше будет. Человек зачем-то палку взял в руки, приставил ее к своему плечу. А может, это и не палка вовсе? Огонь и дым пошел кругом. У тигра из глаз искры посыпались. Заревел Куты-мафа, просит:

— Отвяжи меня! Зачем привязал? У тебя огонь страшный в руках.

Человек его успокаивает:

—Не бойся. Я ворону убил. Она мою рыбу съела...

Он поднял убитую ворону, показал ее тигру и забросил в кусты. Сам же опять целиться стал.

Опять бахнуло! И снова дым пошел... Куты-мафа еще сильнее испугался, от дыма у него в глазах заскребло, из глаз бегут слезы. Опять он просит отпустить его:

— Развяжи мне хоть передние лапы! Я слезы вытру!

А человек его успокаивает:

— Не бойся. Это я волка убил. Он мою собаку растерзал. Пусть знает!..

Сбегал он за убитым волком, принес его, под куст бросил и говорит:

— Я с него шкуру потом сниму, теплые рукавицы будут...

"Не зря птица Куа предупреждала меня. Кто же это распорядился так, чтобы я в беду попал", — подумал Куты-мафа.

А человек тем временем присел отдохнуть, посидел немного на пеньке и снова ружье зарядил. Идет опять к дереву, целится. Вот какое дело-то... Пальнул опять!

От третьего выстрела Куты-мафа заревел сильнее прежнего, стал рычать, грызть веревку; на одной лапе веревка у него треснула, он вцепился ногтями в ствол дерева...

— Успокойся, — говорит ему человек. — Это я медведя отпугнул. Он к моей лошади подкрадывался.

— Вижу, что ты сильный. Отпусти меня! — просит тигр.

Человек стал отвязывать его:

— Ладно, — говорит, так и быть, отпущу! Я тебе с самого начала говорил: не бойся! Люди не трогают тигров. Запомни это! Но если ты мне сделаешь плохо, берегись!

Вот ведь... Давным-давно это случилось, Куты-мафа уже отгулял по тайге, он состарился и под землю ушел, а из-под земли-то вместо него кедр вырос и тоже состарился, другие тигры появились и живут, гуляют по тайге. Но тигры человека не трогают. Такой уговор был!

(Печатается с сокращениями).

В материале использованы фотографии экспонатов, принадлежащих Хабаровскому краеведческому музею.

НИВХИ

Нивх (самоназвание – "человек"), гиляк (устаревшее название). Живут в Хабаровском крае на Нижнем Амуре (численность 2 353 чел., по данным переписи 1989 г.) и на о. Сахалин (главным образом в его северной части). Общая численность – 4 630 человек. Говорят на изолированном нивхском языке. Распространен русский язык.

Предполагается, что нивхи – прямые потомки древнейшего населения Сахалина и низовьев Амура. Они находились в широких этнокультурных контактах с тунгусо-маньчжурскими народами, айнами и японцами. Многие нивхи владели языками народов сопредельных территорий.

Основные традиционные занятия – рыболовство и морской промысел, в меньшей степени – охота. Подсобным занятием было собирательство (ягоды, корни сараны, черемша, крапива, морские водоросли, моллюски, раковины и т.д.). Развито собаководство. Мясо собак шло в пищу, шкуры – для изготовления одежды. Собак использовали как транспортное средство, для обмена, приносили их в жертву.

В XIX в. сохранялись пережитки первобытно-общинного строя, существовало родовое деление. Нивхи вели оседлый образ жизни. Селения обычно располагались по берегам рек и на Охотском побережье. Традиционная одежда нивхских мужчин и женщин – штаны и халат из рыбьей кожи или бумажной ткани. Зимой носили шубы из собачьего меха. Мужчины поверх шубы надевали юбочку из нерпичьей шкуры.

Официально нивхи считались православными, но сохраняли традиционные верования (культ природы, медведя, шаманство и др.). Вплоть до 50-х годов XX в. у сахалинских нивхов существовал медвежий праздник с ритуальным приношением в жертву выращенного в клетке медведя.

Николай СПИЖЕВОЙ, археолог
Фото и рисунки автора

БАРОМЕТР МУДРОГО КАРХА

Живет Иннокентий Павлович Карх в селе Чарбах. Не ищите это поселение на современных картах. Его там нет. А есть рыбачий поселок Тнейвах, приткнувшийся под крутую гору вблизи устья Амура. Восточная часть этого поселка незаметно переходит в то самое — Чарбах.

Не каждый, попав сюда, определит, что это два населенных пункта. Но Иннокентий знает историю родного нивхского села. В начале XX века оно находилось в пяти километрах выше по Амуру, в красивом заливе, куда впадает нерестовая речка Чадбах.

Вот что записал в своем дневнике исследователь рыбных промыслов в конце XIX века В. Бражников: "...Вечером, когда мы пристали к гиляцкой деревне Чарбах, расположенной на мысу того же имени, вся деревня высыпала мне навстречу, как это обыкновенно всегда бывает, многие сносно говорили по-русски и очень охотно давали мне всякого рода разъяснения, тут же мне показали знаменитую юколу, кое-какие рыболовные орудия и прочее.

Чрезвычайно симпатичное впечатление оставила во мне эта первая встреча с гиляками. Впечатление это еще более усилилось, когда я поближе впоследствии с ними познакомился..."

В то же самое время рядом появилось русское переселенческое село имени Льва Толстого. Поначалу все складывалось неплохо. Русские поселенцы разводили свиней и другой домашний скот, а нивхи держали в каждой семье по собачьей упряжке. Но вскоре начались неприятности. Свиньи летом отпускались своими хозяевами пастись, и нивхские собачки, также находясь в "длительном летнем отпуске", стали задирать скотинку. Поссорились соседи. Разъехались. Правда, только нивхи съехали, а русская деревня осталась на прежнем месте. Сейчас ее тоже нет — одни холмы от домов, поросшие одичавшей малиной.

Познакомили меня с Иннокентием мои родственники, проживающие в Николаевске-на-Амуре. Вообще, жители

Старое нивхское кладбище

города стараются иметь своих людей у рыбных мест. Не имеет значения, русские они или нивхи. Горожане привозят друзьям-рыбакам всякие гостинцы, а взамен получают рыбную продукцию. Так и выживают местные жители в разрушенных селах при случайных заработках.

Мое знакомство в Кархом, несмотря на редкие встречи, переросло в дружбу. Старше шестидесяти, невысокого роста, интеллигентного облика, он при первом же знакомстве показался мне слабым и больным. Но труженика в нем выдавали руки — корявые и крепкие. Всю жизнь Иннокентий рыбачит, как его отец, дед и все его предки. Отработал свое в колхозе мотористом на судне, теперь добывает рыбу для семьи. Став наставником для своих сыновей, все реже и реже выходит на промысел. Дом его стоит на крутом берегу, с видом на Амурский лиман. Жилище небольшое, зато семья велика. Бедность чувствуется во всем, но хозяйство свое Иннокентий содержит в порядке и аккуратности. У каждой вещи во дворе свое место, в доме всегда прибрано и уютно.

В короткие зимние дни заходят к Карху рыбаки, отсидевшие свое положенное время у лунок, — попить чайку, который всегда наготове, и поговорить "как жили раньше". Это его выражение. Иннокентий, наделенный природной мудростью, всегда печалится о невозвратном прошлом: рыбном изобилии и утраченном людьми "не навреди", о том времени, когда нивхи со всеми стихиями мира сочетались в духовной гармонии.

Еще при первой встрече заметил я у него на подоконнике литровую банку с нерпичьим жиром. Пронизанный солнцем, был он янтарно-желтого цвета, и только на дне имелся слой белого осадка. Спросил, для какой цели он его приготовил. Оказалось, что стоит эта банка уже два года и является не чем иным, как "барометром". Случайно Иннокентий заметил, что скопившийся на дне осадок поднялся и заполнил всю жидкость белыми хлопьями, при этом ярко-желтый цвет жира поблек, а вскоре разыгрался шторм. С тех пор этот "прибор" за два дня регулярно оповещал Карха о приближении ненастья.

А ветры здесь действительно дуют слишком сильно. Нивхи вообще очень осторожны, это, однако, не трусость, а результат их опытности. Они в совершенстве знают свой Амур и вполне разумно соразмеряют свои силы с изменчивой и подчас грозной стихией.

Нивхи знают устье Амура и лиман, как свой двор. Безошибочно и сразу находят то место, где можно поставить сеть на проходную рыбу, а то и ахан на калугу. При этом ахан Иннокентий выставляет вообще без поплавков и буя, тем самым засекречивая место. Как-то в сплошном тумане мы вышли проверить такую сеть, так он мало того, что точно вышел к месту, но и сразу подцепил притопленный ахан.

От дома Карха у мыса Табах виден "заездок" колхоза им. Блюхера. Каждый год в одном и том же месте строится искусственное сооружение из бревен и кольев для промышленного лова кеты и горбуши. Когда-то такие заездки, конечно, меньшего размера, нивхи ставили повсеместно, где рыба шла вверх подводным фарватером.

По словам Иннокентия Карха, чтобы поставить заездок надлежащим образом, нужно большое умение и знание местности. Не во всяком месте рыба хорошо ловится. Места, где, как тогда говорили, есть "привал" рыбы, искони были известны нивхам.

Из года в год заездок городился на одном и том же месте, и оно передавалось из рода в род по наследству, от отца к сыну. Это и есть как бы недвижимая собственность нивха, освященная обычаем.

Нивхи старались по возможности поближе поселиться у заездка. У них существовало два вида поселения: летники и зимники. Первые располагались на открытых для ветров местах, помимо удобства рыболовства, как подчеркивает Иннокентий, это было и необходимо в целях санитарной гигиены при заготовке впрок рыбы. На закрытых местах, а там обычно находились зимники, стоял бы удушливый запах гниющих рыбных отходов и собирались бы полчища мух.

На том месте, где живет Иннокентий Карх, мною в 1993 году было открыто поселение древних рыбаков эпохи неолита. Были найдены различные предметы быта новокаменного века, в том числе и фрагменты посуды так называемой Белькачинской культуры, родиной которой является Якутия. Следы этой культуры уходят дальше на остров Сахалин. Возраст тех находок и, соответственно, возраст села насчитывает 4 тысячи лет. В то далекое время протонивхи успешно контактировали с населением рек Алдан и Лены.

В последний мой приезд Иннокентий показал нивхское кладбище, находящееся рядом, где в 60-х годах XX века еще хоронили его сородичей путем сожжения. Такой обряд характерен для народов, исповедующих ведические знания. Сейчас сохранился только один фигурный столбик на месте одной из могил, напоминающий сэвэна. Да повсюду по древнему обычаю разбросана "умерщвленная" посуда, т.е. испорченная отверстиями. А десять лет назад тут можно было увидеть на могилах домики-рафы.

Мое обследование кладбища принесло новое открытие — найдены следы еще более древнего поселения. Захоронения находились среди жилищных ям. Тут же, на обочине дороги, собрана керамика Вознесеновской культуры. Село Чарбах "удревнилось" еще на тысячу лет.

ОРОЧИ

Орочи – орочисэл, нани (самоназвания, последнее заимствовано от амурских нанайцев – "на" – земля, "ни" – человек, перевод "местный житель"). Живут в Хабаровском крае, преимущественно на реке Тумнин и в городе Советская (в прошлом Императорская) Гавань, на Амуре. Численность 492 человека (по данным переписи 1989 г.).

Орочи имеют смешанное происхождение – в их состав вошли местные и пришлые, главным образом тунгусские (эвенкийские) этнические элементы.

Почти все орочи жили оседло. Основные традиционные занятия – охота, в том числе морская, и рыболовство. Оружием охоты служили лук со стрелами, копье, ставились ловушки, петли, самострелы и т.д. Огнестрельное оружие появилось в XIX в. Было развито ездовое собаководство.

Традиционные ремесла – обработка дерева, бересты, изготовление нарт, лодок, лыж, кузнечное. Женщины обрабатывали шкуры животных, шили одежду, обувь, вышивали.

Одежда (мужская и женская) – распашной халат (рыбья кожа, оленья замша, ткань), у охотников – юбка, безрукавка с ременными завязками на груди. Летний головной убор (мужской и женский) – большая берестяная шляпа в форме невысокого конуса. Зимой мужчины носили круглую шапочку с меховыми наушниками, женщины – ватную или меховую шапку.

К началу XX века сохранялись пережитки патриархально-родового строя. Жили небольшими селениями по несколько родов. Существовала коллективная собственность на промысловые охотничьи и рыболовные угодья. Христианство орочами было воспринято формально. Сохранялись традиционные анимистические верования.

Белый ДЕДУШКА

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук,
главный хранитель фондов
ХККМ

**Хутунка Савелий Михайлович.
Орочский шаман.
Село Уська-Орочская. 1959 г.**

Сиану (Савелий Максимович) Хутунка, более известный как Белый дедушка, был знаменитым орочским шаманом, родовым судьей, лекарем, искусным охотником и рыбаком. Прожил около 120 лет, имел 7 жен, дружил с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. В первый раз он женился на немолодой женщине из шаманского рода, чтобы соплеменники признали его шаманом. Второй раз он женился по любви, а позднее взял в жены еще двух женщин. Одновременно С. М. Хутунка имел четырех жен. После их смерти он женился еще три раза, последний раз в 90 лет. Всех своих жен пережил.

В. К. Арсеньев описал камлание в своей повести «Сквозь тайгу», посвященной экспедиции 1927 г. по маршруту Хабаровск — Советская Гавань — Хабаровск. В ту пору Савелию Максимовичу Хутунке было около 60 лет и он оказался самым «слабым» среди четырех шаманов, камлание которых довелось наблюдать Владимиру Клавдиевичу ночью 19 августа 1927 г. на Кандахе. Вот как описал В. К. Арсеньев обрядовые действия своего старого друга: «Первым камлать должен был Хутунка. Он надел на голову венок из стружек, подвязал на себя пояс с металлическими конусообразными трубками и позвонками и взял в руки колотушку и бубен. Хутунка встал перед жаровней и некоторое время молчал, закрыв глаза, как бы собираясь с мыслями.

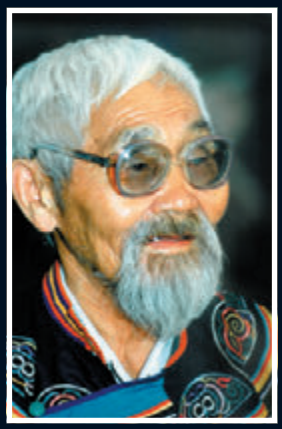
Прошла минута-другая, и вот среди всеобщей тишины мое ухо уловило какие-то звуки: Хутунка чуть слышно тянул ноту за нотой, не раскрывая рта. Он постепенно усиливал свой голос и призывал к себе духа севона (***сэвэна*** **— Т. М.)**, помогавшего ему при камлании. Пение его было печальное и монотонное. Понемногу он оживал и переминался с ноги на ногу. К голосу шамана присоединился металлический шорох, издаваемый позвонками. Иногда он вздрагивал, подымался на носки и припадал на колени. Выражение лица его было весьма напряженное. Он говорил несвязные слова, упрашивал и умолял своего духа помочь ему».

Через 30 лет после В. К. Арсеньева с Белым дедушкой много беседовали известные российские этнографы, лингвисты В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева. О Сиану Хутунка они писали, что тогда ему было около 100 лет, хотя по паспорту всего 85. Родился он в селении Хуту на р.Тумнин, около 60 лет прожил на р.Коппи, затем перебрался на р. Хади, в последние годы осел в селении Уська (сегодня Уська-Орочская).

Сиану Хутунка был прост в отношениях с людьми, хотя держался с достоинством, справедлив, бескорыстен и доброжелателен. Возможно, Белым дедушкой его стали называть за седые волосы. Однако более вероятным нам кажется другое объяснение. Орочи различали добрых и злых шаманов. Именно к добрым принадлежал С. М. Хутунка. В 1959 году его слава крупнейшего орочского шамана и родового судьи была уже, по выражению ученых, в прошлом. Однако фотография опровергает их утверждение. Она сделана в 1959 году во время камлания. С. М. Хутунка облачен в специальный ритуальный костюм, состоящий из тканевого халата с перьями орла на спинке, отделкой из китайской тесьмы и юбки из меха нерпы. Края рукавов обмотаны орнаментированными нарукавниками. На груди — нагрудник в виде змеи для укрепления голоса. Наголенники снабжены изображениями змеи, жабы и ящерицы. Макушку прикрывает маленькая полусферическая шапочка охотника, поверх которой привязаны стружки, распускающиеся на спине пышным пучком. Стружками обвязаны талия, руки ниже плеч и запястья, голени, обувь. Недалеко от шамана тлеют в тарелке сухие листья багульника. В траве запутались кусочки стружек. Видимо, неистовый танец уже позади. Сейчас Савелий Максимович лишь слегка пританцовывает в такт приглушенным ударам бубна. Его губы плотно сжаты, а взгляд проник за границы среднего мира и познает открывшиеся ему тайны. Что-то он там видит? Кто знает... Фотография об этом нам, увы, не расскажет.

Люди Приамурья

Токарский Валерий Николаевич родился в первой половине прошлого века в Комсомольске-на-Амуре. Фотожурналист по призванию и образованию. Работал в газетах "Советский Сахалин", "Молодая гвардия" (Сахалинская область), "Молодой дальневосточник", "Речник Амура", "Приамурские ведомости". Сегодня – фотограф в издательском доме "Приамурские ведомости".
Противник творческих союзов, так как дух коллективизма убивает всякое доброе дело, а индивидуальность и конкуренция заставляют двигаться вперед.
Приверженец документальной фотографии. Многие годы занимается историей дальневосточной фотографии. Репродуцирует и собирает фотоснимки об истории освоения Сибири и Дальнего Востока, о людях, некогда живших в этих краях.



Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Наверное, у каждого человека есть свое, особенное место на земле, где тебя наполняет ощущение счастья. Это когда не пытаешься облечь чувства в слова, а просто распахиваешь душу – ветру, солнцу, реке. Для меня такое место – нанайская деревня Сикачи-Алян. Или просто Алян, как говорят местные жители. В какое бы время года я ни приезжала сюда – черемуховой весной, малахитовым летом, огненной осенью или ослепительно снежной зимой, удивительный покой поселяется в сердце: я дома, я – на своей земле.

Магическая аура древнего села

Здесь все так странно переплетено. Старинные легенды, сегодняшние реалии, богатство природы, уникальный памятник археологии, расположенный недалеко от села, и нищета местного люда… Говорят, непростая аура у этого места, даже магическая. Это и понятно, ведь для жителей древних поселений огромные валуны с изображением личин и тотемных животных имели огромное культовое значение, здесь они общались с богами или, говоря современным языком, запрашивали информацию из космоса. Между прочим, об этом говорит и само название села. Но не то, что существует сегодня, а прежнее. Как рассказала Нина Игнатьевна Дружинина, глава сельской администрации, приблизительно до 40-х годов XX в. деревня называлась Сакачи-Алян. Каким образом вкралась досадная ошибка в название села, теперь вряд ли можно установить. В те времена по причине неграмотности аборигенов сельсоветы возглавляли в основном русские люди. Возможно, кто-то просто оговорился, а может, кому-то старое название показалось неблагозвучным. Так и пошло. А вообще в нанайском языке есть глагол "саори". Производная от него – "сакачиори" – переводится как "знать", "узнавать", "выспрашивать". Получается, что здесь, в Сакачи-Аляне, шаманы "выспрашивали" у богов небесные тайны. Конечно, это лишь версия, и никто не настаивает на ее однозначности, но древнее нанайское село и сегодня многое может открыть для каждого.

Легенду о трех солнцах и храбром охотнике Кадо, в которой говорится о появлении тех самых наскальных изображений, здесь может рассказать и стар, и млад. Существует немало ее вариантов, но меня заинтересовал тот, который услышала позднее от художницы из Комсомольска-на-Амуре Людмилы Уламовны Пассар. Ей, в свою очередь, эту легенду рассказала Софья Сергеевна Бельды, знавшая о трех солнцах от своих родителей. А было так. Располагалось на месте Сикачи-Аляна селение. Но случилось извержение вулкана (вариант: прямое попадание огненного небесного тела), и земля стала гореть, вода в реке закипела. В один миг погибли все люди. Спаслись лишь двое – муж и жена, которые еще до печальных событий ушли далеко на охоту. Вернулись и увидели,

что их соплеменники погребены под лавой. Два дня они плакали и причитали, пока не потеряли голоса. К этому времени раскаленная земля загустела, начала затвердевать и стала как дуту – темная черемуховая лепешка. Камни же еще оставались мягкими, так что на них можно было пальцем рисовать. Пошли тогда мужчина и женщина от Сикачи-Аляна до Малышева и по дороге наносили на камни изображения. Женщина рисовала личины, вкладывая в эти лики все то, что чувствовала – горе, страх, печаль. Рисовала она и обрядовые сцены. К примеру, обряд унди – восполнение шаманом растраченных за зиму сил, когда он приходил к людям и те пришивали ему на спину кусочки ткани. Мужчина рисовал сцены охоты, животных. Так шли они вдоль берега по мягким камням и оставляли на них рисунки. Как говорит легенда, от этих уцелевших людей потом пошли нанайские роды.

До сих пор у жителей Аляна сохранилось трепетное отношение к валунам с рисунками. И не только потому, что это огромная археологическая ценность. Они по-прежнему наделяют их магическими свойствами и, как и в старые времена, боятся разгневать богов неосторожным поступком. Когда меня привезли на камни на лихой моторке, сопровождающие женщины, прежде чем сделать первые шаги, окропили землю вином и попросили у духов прощение за вторжение. Тогда я тоже мысленно обратилась ко всесильным и мудрым богам и сказала спасибо за то, что есть на амурской земле такое удивительное, волшебное место. И еще попросила их ниспослать Аляну хоть немного удачи. Она ему сегодня очень нужна.

Петухов И. С. (1922 - 1993 гг.). **«Сикачи-Алян».** Этюд. Картон, масло

СИКАЧИ-АЛЯН

Александр ЛЕПЕТУХИН, художник

Встреча

Это было в 1968 году. Мы, второкурсники художественно-графического факультета, проходили практику в селе Малышево. Писали этюды, любовались закатами, кормили местных настырных комаров. В конце пленэра мы отправились в соседнее национальное село Сикачи-Алян. Шли берегом по огромным каменным глыбам. Справа был скалистый обрыв, слева — бликующий на солнце Амур. Мы прыгали с камня на камень, высматривая древние наскальные рисунки. В охотничьем азарте заглядывали во все щели и находили все новые и новые изображения. На крики нашедшего сбегались все студенты и студентки, и он чувствовал себя героем, чуть ли не соавтором художника. Маски неолита, более древние, чем египетские пирамиды, смотрели на нас с черных ноздреватых камней.

Так, прыгая с камня на камень, доскакали до Сикачи-Аляна. Мы вошли в него, как в сказку, по выгнутому белому от старости деревянному мосту. Мост висел над голубой водой залива, и в ней отражались розовые облака и плавали желтые кувшинки. Сараи стояли на высоких столбах, а дома-полуземлянки совсем ушли под землю. По деревне бегали собаки с бодро вздернутыми вверх хвостами и бродили мало похожие на домашних животных поджарые свиньи. Чумазые, бесштанные ребятишки смотрели на нас своими упорными раскосыми глазами. Густая тишина, словно волшебный колпак, накрывала село. Мы, беззаботные и горластые, тоже притихли, ощутив атмосферу этого необыкновенного места. Было в этих холмах и во вросших в землю строениях что-то магическое, заповедное. Потрясение первой встречи до сих пор живет во мне.

Петухов И. С. (1922 - 1993 гг.). **«Сикачи-Алян».** Этюд. Картон, масло

Петухов И. С. (1922 - 1993 гг.). **«Творческая дача художников в Сикачи-Аляне».** Этюд. Картон, масло

Художники приехали!

Прошло лет десять, и старое село Сикачи-Алян исчезло. Его снесли и построили новое — из покрашенного голубой краской бруса. Случилось это после того, как американцы сняли и показали в своей ухоженной Америке документальный фильм о быте наших аборигенов. Московское начальство устыдилось и скомандовало местному начальству. Древнее село исчезло, но дух местности остался. Около пяти тысяч лет селились на этом берегу люди. Сикачи-алянские женщины славились своей красотой. На лодках из дальних сел приезжали к ним охотники, рыбаки — женихи. Род Актанка был талантливым родом. Своим тотемным зверем-предком он считал тигра. Говорят, через Сикачи-Алян проходила древняя тропа на Маньчжурию, и это делало село чем-то вроде столицы в те давние времена. Место это считалось священным. Не зря здесь расположилась магическая каменная картинная галерея.

Все это узнали хабаровские художники, когда стали регулярно приезжать в Сикачи-Алян на этюды и рыбалку. Они построили в селе творческую дачу с индивидуальными мастерскими, посадили огород, развели цветы, купили лодку. К ним быстро привыкли, и они стали необходимой частью жизни села. И местные ребятишки сбегали с бугра им навстречу с криками: "Зорин приехал! Зорин приехал!"

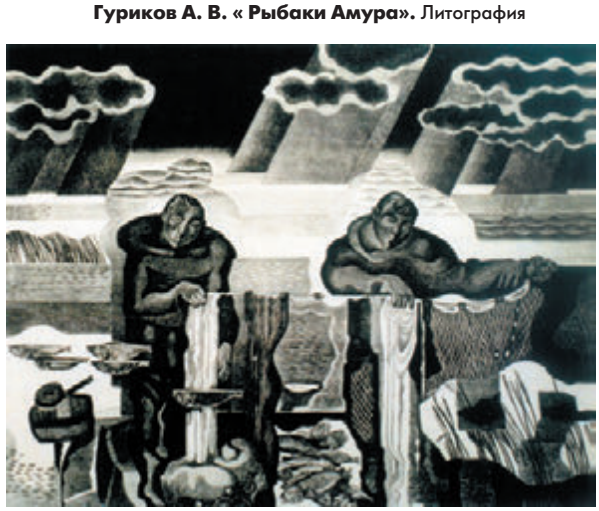
То тут, то там можно было увидеть человека с мольбертом.

Для меня каждый приезд сюда был событием. Помню волнение, которое испытывал всегда, когда автобус вырывался из тайги и оказывался на бугре, с которого небо казалось ближе, а река казалась наклоненной серебряной плоскостью. Сила этого места делала человека маленьким, настраивала его на созерцание и творчество. А что еще нужно художнику?

Сколько фантазии будили находки на берегу! После каждого ливня появлялись осколки орнаментированной керамики, каменные скребки и наконечники стрел. Художники вместе с местными ребятишками бродили, уставив носы в землю, а потом раскладывали свои сокровища на подоконниках. Они перебирали их и впитывали дух вечности.

Петухов И. С. (1922 - 1993 гг.). **«Сикачи-Алян».** Этюд. Холст, масло

Гуриков А. В. « Рыбаки Амура». Литография



Гуриков А. В. «Сикачи-Алян». Холст, масло

Петухов С. И. Род. 1953 г. **«Сикачи-Алян».** Холст, масло

Творчество

Можно сказать, что Сикачи-Алян стал местом встречи Востока и Запада. Не все художники отдавали себе отчет в этом. Но влияние иной культуры так или иначе испытывали все. Сама жизнь, построенная на ритме восходов и закатов на фоне величественного пейзажа, облагораживала задерганных городской суетой живописцев. Местных жителей они воспринимали как представителей исчезнувшей великой цивилизации. За каждым портретируемым детским лицом ощущалась вереница предков, отпечатавших на нем свой генотип и свои характеры.

Если бы можно было собрать из различных музеев страны картины, написанные в этом селе, то получилась бы грандиозная выставка, которую не стыдно было бы показать в любой стране мира. Здесь работали художники не только из Хабаровского и Приморского краев, но из Сибири, Якутии, Москвы и других мест.

Теперь творческой дачи в Сикачи- Аляне нет. Остались следы фундамента. Остались картины и воспоминания. Помню, как писал своих "Ласточек" читинский художник Роман Цымбало. Он открыл окно мастерской, и ласточки вывели в ней птенцов и постоянно "позировали", влетая и вылетая туда-сюда со щебетом. Они нимало не опасались человека с кистями и красками. Помню цикл холстов моего друга Валерия Сахатова, посвященные сикачи-алянским детям. "Они для меня как маленькие бурханы (божки)". Художник написал свои работы для выставки в Москве, куда он уезжал навсегда. Помню "Песню" Григория Степановича Зорина. Коричневый, малиновый — благородный цветовой аккорд этой картины не исчезает из моей памяти. Картина была похищена из мастерской художника со многими другими, и неизвестно, цела ли она. Помню Сикачи-Алян Сергея Петухова, Дмитрия Раманюка, Игоря Шабалина, Андрея Паукаева...
У каждого была своя правдивая версия этих мест, потому что у каждого была своя особая встреча с ними и своя любовь.

Сергей Петухов нарисовал своих живописцев: отца Ивана Петухова, Валентина Степанова и Григория Зорина на фоне сикачи-алянского забора и среди цветов. Я бы назвал эту картину "Художники в Раю". Потому что если и есть рай для хабаровских художников, то он, наверно, очень похож на это место, где они были счастливы.

P.S. Статья была написана на одном дыхании ранним утром. Часов в семь я уже ее окончил и перечитал. А в девять часов зазвонил телефон. Звонил мой друг, председатель Союза художников из Читы Роман Цымбало. "Ты знаешь, — сказал он, — мне приснился Сикачи-Алян. Я прощался с ним. Проснулся в слезах". "А во сколько это было?" — спросил я. "Часов в шесть-семь". Ну вот вам пример передачи чувств и мыслей на расстоянии. Как раз я писал про ласточек и своего друга Романа Михайловича... Ничего удивительного. Любовь.

Гусельников М. А. «Разбитые лодки». Цветной офорт

Гусельников М.А. «Нанайский поселок». Цветная монотипия

ПОСТИЖЕНИЕ ЭСТЕТИКИ ТАЙГИ

Об искусствоведе Клавдии Павловне БЕЛОБОРОДОВОЙ

Ольга ИВАНОВА,
Госархив Хабаровского края

1978 г. Искусствовед К. П. Белобородова-Соловьева в женском праздничном ульчском костюме (автор Росугбу Очу Лукьяновна, с. Булава)

"Эстетика тайги", так называлась статья о выставке приамурских мастеров в Праге, опубликованная в одной из чехословацких газет. Огромную работу по организации этой и многих других экспозиций проделала Клавдия Павловна Белобородова – искусствовед, заслуженный деятель культуры РСФСР, человек, который действительно в полной мере постиг эстетику тайги и людей, ее населяющих – коренных жителей Приамурья.

Родилась Клавдия Павловна 19 ноября 1906 года в станице Абинской Краснодарского края в семье военнослужащего. Закончив школу, а затем индустриальный техникум в Новороссийске, К.П. Белобородова продолжала учиться на вечернем отделении Самаркандского филиала Ташкентского индустриального института. Вероятно, на выбор ею технической специальности повлиял пример отца, прошедшего путь от войскового телеграфиста до главного инженера почты и телеграфа Черноморского округа. Но в ее жизни параллельно с "физикой" шла "лирика" — увлечение вышивкой, заниматься которой она начала с пяти лет "и на всю жизнь".

В автобиографии Клавдия Павловна писала: "Народным искусством, филейной и гладьевой вышивкой много занималась и увлекалась с детства... Вот такое хобби красной чертой прошло через всю мою жизнь. Но теперь я хорошо знаю, что это было не только простое увлечение — это было призвание, ставшее целью жизни".

Вместе с мужем, военным строителем, К.П. Белобородова приехала в 1953 году в Хабаровск. Здесь она участвовала в выставках декоративно-прикладного искусства, организовала кружок художественной вышивки в Доме народного творчества. Первая встреча Клавдии Павловны с традиционным искусством коренных народов Приамурья произошла в Хабаровском краеведческом музее. Пораженная своеобразием национальных орнаментов, она стала задавать вопросы. Но в ответ услышала: "Это искусство прошлого, и сейчас им не занимаются".

В 1958 году К.П. Белобородова получила приглашение на должность методиста по прикладному искусству краевого Дома народного творчества, и вряд ли это было просто совпадением. В том же году состоялась первая командировка Клавдии Павловны в таежное село Гвасюги. Здесь она столкнулась с неожиданной проблемой. Местные мастерицы не занимались своим традиционным искусством, считая его никому не нужным. С этого момента начинается кропотливая работа Белобородовой по возрождению народных традиций, командировки одна за другой в национальные села Хабаровского края. Истинный интерес к работам мастериц, к их жизни и осознание того, что традиции национального искусства становятся "уходящей натурой", определяют направленность ее работы. Клавдия Павловна убеждает коренных жительниц Амура в необходимости следовать традициям предков, показывать свои работы на выставках, пропагандируя таким образом самобытное искусство своих народов.

При этом она никогда не диктовала свою волю, не вмешивалась в творческий процесс, одновременно постигая теоретические основы этнографических знаний, обращаясь к трудам Р. Маака ("Путешествие на Амур"), Л. Шренка ("Об инородцах Амурского края"), академика А.П. Окладникова, С.В. Иванова, изучала самобытные технологии создания изделий декоративно-прикладного искусства амурских мастериц. Результатом этих исследований стала изданная в 1975 году книга "Приамурские узоры", в которой раскрывались многие секреты народных мастеров.

Вместе со своими коллегами Клавдия Павловна вела большую работу по пропаганде уникального искусства аборигенов края (с 1974 года она перешла на постоянную работу в Художественный фонд). В 1963 году по их инициативе принято решение крайисполкома "О даль-

1958 г. К юбилею Хабаровска было вышито панно "Хабаровску 100 лет". Сидят за столом вышивальщицы слева направо: 2-я Н.А. Семченко , А.К. Заплатина, Н.А. Комаровская, Р.Я. Ваулина. Стоит К.П. Белобородова – руководитель секции прикладного искусства Хабаровского краевого Дома народного творчества у панно "Хабаров на утесе", вышитого так же к 100-летию города

нейшем развитии прикладного искусства малых народностей Хабаровского края", в этом же году состоялась первая зональная конференция народов Севера с организацией выставки прикладного искусства и приглашением лучших мастеров. В 1965 году в Москве на ВДНХ пять мастериц из Хабаровского края получили дипломы лауреатов. Год спустя в Хабаровске впервые проведен семинар по национальному прикладному искусству, на который пригласили умельцев из районов им. Лазо, Хабаровского и Амурского. Семинар очень заинтересовал мастеров и оказал большое влияние на качество изделий, которые они представили на краевую выставку 1967 года, так как в ходе семинара проходил обмен опытом, просмотр экспонатов художественного и краеведческого музеев, разбор привезенных работ. В эти годы изделия национального искусства вывозятся за рубеж и демонстрируются на выставках в Познани (Польша, 1966 г.), Ниигате (Япония, 1967 г.) и т.д.

Однако на этом пути были не только достижения и победы. Если в 1968 году на учете Дома народного творчества состояло более 350 мастеров, то уже к 1984 году их насчитывается около 80. Ситуация объяснялась не только естественной убылью, но и тем, что, добившись открытия мастерских по изготовлению традиционных изделий, наладив машинное производство с элементами национальных орнаментов, организаторы столкнулись с серьезной проблемой: мастера высшего класса стали уходить в это производство. Клавдия Павловна пишет о том, что такие мастера не должны привлекаться к изготовлению массовых, поточных изделий, они должны находиться на особом учете Художественного фонда и выполнять по его заказам высокохудожественные изделия ручного труда, которые будут экспонироваться на выставках и пополнять коллекции музеев.

Следующая проблема — преемственность традиций. Для этого предполагалось ввести в школах национальных сел обязательные занятия по изучению основ народного искусства, а также на художественно-графическом факультете ХГПИ организовать практические занятия с приглашением мастеров, проводить экскурсии в национальные районы края и организовать на факультете учебный музей народного искусства. Позднее мысль о создании такого музея трансформируется. Клавдия Павловна пишет: "Хабаровску нужен музей народного искусства. Своеобразное и живое традиционное искусство малых народностей нашего края на многочисленных выставках в Советском Союзе и за рубежом заслужило право иметь свой музей. Небольшие экспозиции краеведческого и художественного музеев не дают полного представления о нем". Не правда ли, актуальное, но, к сожалению, до сих пор не реализованное предложение?

Все эти годы Клавдия Павловна вела непосредственную работу с мастерами. Работу специфичную, нелегкую, требовавшую понимания цели, внимания к нуждам аборигенов, поддержки со стороны Союза художников, Хабаровского отделения Художественного фонда и руководителей художественно-производственных мастерских. Клавдия Павловна собирала рецепты обработки рыбьей кожи и шкур животных, изготовления природных красителей, делала рисунки орнаментов, швов. Уникальны ее записи текстов нанайских, ульчских, удэгейских сказок, каждая из которых сопровождается подробными сведениями о рассказчике.

Работая с мастерами, Клавдия Павловна проявляла такт и уважение к их личности, знала психологию этих людей. Именно такое внимание к мастерам позволило существенно пополнить коллекции хабаровских художественного и краеведческого музеев, музеев Комсомольска-на-Амуре, Переяславского народного музея. Благодаря настойчивости К.П. Белобородовой семь народных мастериц были приняты в Союз художников России — Сергучева Любовь Иннокентьевна, Самар Анна Кузьминична, Казарова Александра Николаевна, Росугбу Очу Лукьяновна, Кялундзюга Анна Дадовна, Киле Чикуэ Золонговна. Работы этих мастериц стали основой передвижной выставки 1981 — 1986 гг., которая вначале экспонировалась в Москве и Санкт-Петербурге, а затем во многих городах Советского Союза и в Чехословакии. В 1980 году Клавдия Павловна писала: "Почетное звание членов Союза художников РСФСР, полученное нашими мастерицами, и есть память о тех неизвестных художниках прошлого, от которых они через поколение перенесли эстафету народного искусства". Сохранить эту память всеми силами своей души старалась К.П. Белобородова.

Мелодии народов Приамурья

Виктор Бондаренко родился в 1954 году на Сахалине. Окончил музыкальное училище по классу флейты. Будучи студентом оркестрового эстрадного отделения Хабаровского института искусств и культуры (класс саксофона), стал проявлять интерес, изучать и записывать фольклорную музыку. Работал в Хабаровской краевой филармонии, руководил оркестром ансамбля "Дальний Восток", выступал с сольными концертами, которые с успехом проходили в России и за рубежом. С 1976 г. интерес к фольклору становится сильнейшим импульсом в творчестве В. Бондаренко. Он активно участвует в культурной жизни Хабаровского края: выступает в музеях, выставочных залах, благотворительных концертах. С 1980 г. музыкант плодотворно работает с различными национальными коллективами в качестве композитора, аранжировщика и исполнителя нанайских и ульчских мелодий. Им создана музыка к отдельным танцевальным номерам и музыкальное оформление для фольклорных праздников (День рыбака, Жемчужина Севера и др.), проходивших в Хабаровском крае. В настоящее время В. Бондаренко великолепно исполняет джазовые стандарты, отдавая предпочтение импровизации в стиле фьюжен (сплав). Артист высокопрофессионально владеет саксофонами, флейтами, играет на хомусе, дучиэкэн.

Народная культура, выраженная в музыкальной форме, представляет собой абсолютную ценность – как воплощение народной мудрости и национального своеобразия, как отражение характера, философии, мировоззрения и этических ценностей народа.

Фольклорная музыка в музыкальном альбоме "Мелодии народов Приамурья" исполняется на нанайской бамбуковой флейте. Она издает характерный звук, который рисует образы древних жителей Амура в воображении слушателя и помогает глубже проникнуть в духовный мир, древнюю культуру коренных народов Приамурья. В альбом включены близкие между собой музыкальные культуры нанайцев и ульчей.

Ольга БЕЛЬДЫ

Музыкальный альбом «Мелодии народов Приамурья», выпущенный общественным фондом «Кола Бельды» совместно с редакцией журнала «Словесница искусств», можно приобрести в творческом центре «Тайны ремесла» (ул. М.-Амурского, 17).

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Евгений Васильевич КОРОЛЕНКО

«Земная радость». Холст, масло

Попав в суровые края не по своей воле, Короленко какое-то время жил в селах Усть-Орочи и Кондон. Его окружали доброжелательные люди, которые помогали художнику в тот непростой для него период жизни. Храня эти воспоминания, Евгений Васильевич, переехав тогда уже в Комсомольск-на-Амуре, решил вернуться в Усть-Орочи. Всю зиму он рисовал, делал наброски. Позднее им были созданы картины "Орочские дети" и "Свадебное путешествие", которые и сделали молодого художника известным. Полотно "Орочские дети" попало на выставку в Хабаровск, Иркутск, а потом его купили в Москву.

Почти два десятка лет Короленко работал в древнем нанайском селе Кондон. Художник вспоминал, с каким удовольствием позировали ему дети, охотники, вели-

Посвящение НАРОДАМ АМУРА

Это полотно словно высвечено солнцем. Непоседливый лучик скользит по тугим косам нанайской девочки, склонившейся над тетрадкой, перепрыгивает на темную шевелюру мальчишки и сливается с ярким оранжевым диском небесного светила из детского рисунка на стене. Краски холста дают такое реальное ощущение тепла, как если бы ты протянул озябшие руки к домашнему очагу. Автор картины с незамысловатым названием "За уроками" – заслуженный художник России Евгений Васильевич Короленко. Почти двадцать лет своей жизни он посвятил народам Амура. Приехав с берегов Волги на Дальний Восток, художник вроде бы случайно вышел на эту тему. Но жизнь-то давно доказала: нет никаких случайностей. И хотя в дальнейшем творчество Короленко развивалось по нескольким направлениям, а сам художник разделял его на несколько циклов (символический, родовой и т.д.), коренные народы – особая, возможно, наиболее искренняя и яркая страница.

«За уроками». Холст, масло

Фрагмент диптиха «Семья охотника».
Инкрустация по бересте

Фрагмент триптиха «В царстве серебряных соболей».
Плавленная смальта, металл

чавые старцы. Местные жители приветливо встречали "художника из города", зазывали в гости, угощали. Хотя в глубины своих традиций впустили не сразу. Прошел ни один год, прежде чем старушки распахнули перед изумленным художником сундуки, где хранили для перехода в мир иной вещи огромной художественной ценности, и позволили прикоснуться к ним. Собирая материал для будущих полотен, Короленко делал большое количество набросков, и практически в каждом доме висели его этюды — художник оставлял их на хранение. Уже вернувшись в свою мастерскую, он воплощал наработанное в большие полотна.

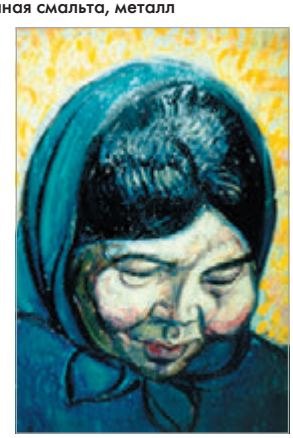
Между прочим, первая выставка Евгения Васильевича состоялась в середине семидесятых годов (уже прошлого века) именно в Кондоне. Экспозицию ему помогала тогда делать известный искусствовед Валентина Гавриловна Старикова, много лет отдавшая Дальневосточному художественному музею. Выставка разместилась в актовом зале кондонской школы. Вместе с Валентиной Гавриловной они обклеивали стены бумагой, развешивали картины. А потом сюда приходили жители Кондона, подолгу стояли у каждого холста. С полотен Короленко на них смотрели старики, давно покинувшие этот мир. Люди всматривались в лица, черты которых постепенно стирались в памяти, качали головами. А молодой охотник на одной из картин узнал себя и воскликнул: "Так это же я в люльке!". Впрочем — неудивительно. Все-таки двадцать лет прошло с тех пор, как Короленко начал в своем творчестве тему коренных народов. За это время выросли малыши, стали сильными, ловкими.

Спустя время Валентина Гавриловна Старикова опубликовала в хабаровской краевой газете "Приамурские ведомости" (номер за 9 января 1997 года) статью "Размышления об экспозиции, которой не существует". В ней наряду с воспоминаниями о дальневосточных художниках и оценкой их творчества есть строки, посвященные Евгению Васильевичу Короленко: "Жизнь малых народностей Дальнего Востока стала одной из главных тем Е.В. Короленко. Постепенно отойдя от привычной, свойственной ему манеры жанровой живописи, Короленко переходит к более выразительным, укрупненным, монументальным формам однофигурных композиций. В облике сильных людей он подчеркивал мудрость и поэзию жизни народа, не потерявшего своей органичной связи с природой, вековыми устоями семейной жизни. Глава семьи, рода — это хозяин тайги, мужественный, мудрый охотник. Его жена — хранительница домашнего очага, молодая кормящая мать, поющая колыбельную своему младенцу, и творец бесценного народного наследия — его искусства".

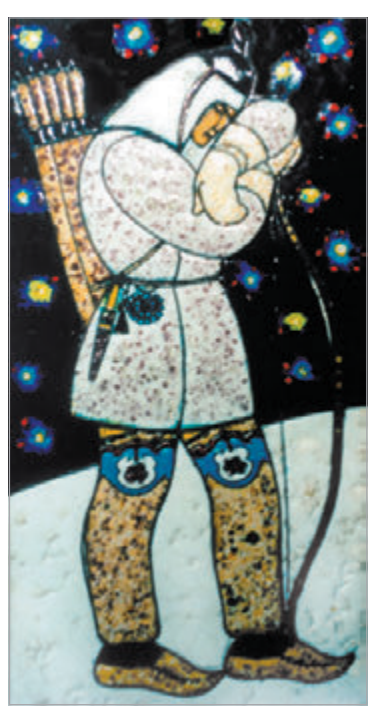
И еще одна цитата из книги В.Г. Стариковой "Страницы воспоминаний", выпущенной в свет в 1998 году Хабаровским отделением Российского фонда культуры: "Этот художник создал поэтическую сюиту картин на тему жизни людей в неразрывной связи с природой — аборигенов нашего края. Их мудрый уклад патриархальной жизни, искусство их рыбаков и охотников, извечные образы материнства обаятельных нанайских женщин..."

К сожалению, сегодня Евгения Васильевича Короленко с нами уже нет. Отметив в 2000 году 70-летний юбилей и сделав в музее изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре свою последнюю выставку, которая изначально планировалась как итоговая, он ушел из жизни. Но хочется мысленно вернуться в семидесятые годы, в тот светлый день, в тот школьный зал, который был наполнен любовью живописца к самобытным народам, их культуре. И сегодня краски его полотен не потускнели, они так же пронизаны светом.

В материале использованы фотографии с работ художника, принадлежащих Комсомольскому-на-Амуре музею изобразительных искусств.



«Бабушка Уку».
Холст, масло



Фрагмент триптиха «В царстве серебряных соболей».
Плавленая смальта, металл

Ольга БЕЛЬДЫ,
кандидат культурологии
Рисунок автора

В далеком прошлом, когда люди начинали познавать себя и окружающий мир, появились и формировались религиозные представления всех народов на земле, в том числе и аборигенов Севера. Наши предки верили, что душой наделены горы, леса, реки, озёра, моря.

Счастливая пара

АМУЛЕТ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Посвящается всем влюбленным в ожидании чуда любви

По данным археологических исследований, известно, что на территории Дальнего Востока испокон веков (неолит) проживали предки современных коренных народов Севера. До настоящего времени сохранились свидетельства ушедшей культуры — петроглифы — наскальные изображения, которым принадлежит особое место среди памятников первобытного искусства. Их изучение позволяет глубже, чем изучение других археологических памятников, понять мировоззрение людей, их духовный мир и эстетические представления исчезнувших обществ.

С петроглифами Америки связана проблема межконтинентальных контактов и культурно-этнических взаимоотношений между Северной Азией и Северной Америкой, в том числе актуальная проблема происхождения древних культур Нового Света.

Петроглифы северо-запада Америки и Аляски в территориальном отношении, по характеру, сюжету, идейному содержанию и эстетическим признакам ближе всех к наскальным изображениям Северной Азии, в первую очередь, Приамурья, например, петроглифы у села Сикачи-Алян Хабаровского района, и многие другие памятники древней культуры, характеризовавшейся бурным расцветом в Средние века.

С древних времен люди верили в магическую силу амулетов. Амулет мог быть в виде небольшого скульптурного изображения или необычной вещи, найденной в природе. Некоторые предметы могли приобретать особую силу в результате попадания в какую-то необыкновенную ситуацию.

Человек, владеющий этим особенным предметом, независимо от собственных качеств и способностей становился удачливым, сильным и отважным. Аборигены Севера делали амулеты из дерева, металла, сухой травы и носили их на шее или держали у изголовья, как персональный протектор. Его никогда никому не показывали. Таким образом люди пытались обезопасить себя от козней злых духов, приносящих болезни и смерть.

История, которую я хочу вам рассказать, — подлинная. Речь пойдет о приключениях амулета — маленькой деревянной фигурки. Это случилось в США в 1994 году.

Предыстория же такова. Деревянный амулет в виде двух человеческих фигур, соединенных в одно сердце, сделал мастер Максим Кялундзига — абориген из далекого северного села Булава Хабаровского края. Амулет освятил шаман. Фигурку в 1993 г. привез в США хабаровский музыкант Виктор Бондаренко, который презентовал её Джейн, хозяйке галереи Мандала-бук в г. Сиэтле (штат Вашингтон). От нее скульптурное изображение попало к двум подругам, которые, будучи замужем, в нём не нуждались, и подарили его незамужней приятельнице, г-же А. В один прекрасный день она надела подвеску с амулетом, вошла в офис, где встретилась с г-м В. Они немного побеседовали и попрощались.

Именно тогда началось магическое действие амулета, о котором наши знакомые ещё не подозревали. Герои этой истории какое-то время занимались каждый своим делом. Однажды вечером дверь дома, где жила г-жа А., отворилась. На пороге стоял мужчина, который сказал, что будет её мужем. Так история звучала из её уст.

А вот что рассказал г-н В. Он индеец, вождь и шаман племени лумми. В юности ему приснился удивительный сон. На ветвях роскошного дерева сидела стройная белая женщина, которая очень понравилась ему. Но молодой человек не мог определить значения своего сна. Когда пришло время вступления в брак, он женился на девушке своего племени, и жили они хорошо. Горе и несчастье постигли его после болезни и смерти жены.

В работе и заботах проходили дни за днями. Однажды в его офис вошла г-жа А., с которой раньше они были немного знакомы. На её груди висела подвеска, которая вызвала вспышку из памяти г-на В. Он увидел лицо женщины из своего давнего юношеского сна. Это было какое-то необъяснимое чудо.

Наступило время проведения поминального ритуала по усопшей супруге, который по обычаям племени лумми происходит у воды. Выйдя из реки в мокрой одежде, г-н В., сам того не осознавая, пошел в сторону дома, где жила г-жа А. Она открыла ему дверь, будто давно ждала его прихода и совсем не удивилась его приходу и странному внешнему виду. Они оба поняли, что нашли друг друга, и с тех пор не расставались.

Супруги и все окружающие не сомневаются, что их судьбы соединил амулет северного аборигена из Приамурья.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук,
главный хранитель фондов ХКМ

В Хабаровском краеведческом музее нередко происходят интересные встречи. Например, с делегацией японских эсперантистов. Среди них была айнская шаманка Ясуко Ямамичи. Она директор национальной айнской школы в городе Пиратори на Хоккайдо, где также преподает родной айнский язык.

АЙНСКАЯ ШАМАНКА НА ХАБАРОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

В Хабаровский краеведческий музей Ямамичи-сан привело желание познакомиться с культурой коренных народов Приамурья и провести традиционную айнскую церемонию поклонения душам умерших и живых людей всех национальностей. Все необходимые атрибуты шаманка из рода Сару-айну привезла с собой: лопаточки "икупассы" для подношения богам спиртного, специальные чаши для ритуальной пищи, коврик для их установки, традиционный халат, наголовную повязку с собственноручно вышитым айнским орнаментом; а ритуальные палочки "инау" с кудрявыми стружками были специально изготовлены для поездки в Россию. Нужно было найти лишь"жертвенную пищу", которая по существующей традиции должна быть местного происхождения: "Шиповник на коньяке" она купила на Муравьева-Амурского, сою принесли наши сотрудники, травы она привезла из Приморья, где Ямамичи-сан побывала перед приездом в Хабаровск.

Наша гостья надела белый с фиолетовыми и золотистыми орнаментами традиционный айнский халат и повязала голову черной лентой с яркой айнской розеткой. Ни специальной обуви, ни пояса, ни рукавиц. Не знаю, как у айнов, но в шаманстве приамурских народов число специальной ритуальной одежды на шамане свидетельствовало о его ранге: чем больше деталей включал его костюм, тем сильнее он был, тем больше у него было духов-помощников. Интересно, что все члены делегации из Японии тоже надели на головы повязки с айнскими орнаментами. Видимо, они являются обязательной деталью одежды каждого участника камлания, как в аналогичной ситуации пояса у нанайцев. Тем временем айнская шаманка села на колени лицом на восток, расставила перед собой чаши с жертвенной пищей, развела два маленьких костерка, соединяющих миры. Меньший по размерам огонь горел в раковине и был посвящен душам умерших детей; второй, занимавший центр лотка и цветущий более крупным цветком, предназначался для всех остальных душ умерших и живых людей. Ямамичи-сан рассыпала вокруг огней соль и взяла в руки бубен. Она говорила с душами на своем родном языке и интернациональном языке шаманского бубна.

Кстати, приемы работы с бубном представительницы айнского народа отличаются от приемов нанайцев, ульчей и других коренных народов Приамурья. Ямамичи-сан била в бубен жестко, в какие-то моменты почти остервенело. Я очень боялась за сохранность бубна, ведь он был из фондов нашего музея. По представлениям удэгейцев, как писал В.К. Арсеньев, лопнувший бубен означал открытую для злых духов дверь в "дом", то есть в тело, в душу шамана. Но бубен-экспонат с честью выдержал сей "экзамен" и "защитил" музей.

Короткие щепки потрескивали в церемониальных костерках, дым медленно заполнял экспозиционные залы. Шаманка судорожно вздыхала. Еще немного и бубен затих. В огни брошены "жертвы" из сои, пшена, корешков, уже испарились капли "Шиповника на коньяке", упавшие с резной лопаточки "икупассы". Вспыхнула факелом палочка "инау", стоявшая словно стойкий оловянный солдатик всю церемонию перед ритуальными огнями. Вспыхнули сигналом окончания церемонии кудрявые стружки и потухли. Участники церемонии пригубили из ритуальной чаши глоток "Шиповника на коньяке", положив на "икупассы" свои виртуальные усы (в прошлом второй функцией "икупассы", проявляющейся при питии ритуального напитка, было поддерживать усы ("пассы") айнских мужчин, видимо, чтобы попадало в рот, а не текло по усам. По дну чаши, в глубине темной ароматной жидкости плавно перекатывалась, как маленькая морская звезда, пятнистая шестигранная яшма. Она давала свободу пившему.

У каждого шамана обязательно есть дух-помощник. Айнской шаманке помогает белый дракон. Если бы кто-нибудь догадался оторвать свой взор от захватывающего действа, то он, наверное, увидел бы, как под дымными сводами зала парил белый дракон, взмахами хвоста разгоняя злобные души. А внизу бело-золотистый с фиолетовыми разводами халат шаманки переливался, как его чешуя.

После церемонии Ямамичи-сан подарила Хабаровскому краеведческому музею наголовную повязку, коврик для ритуальных чаш, "инау" и лопаточку "икупассы". Последний экспонат представляет для нас особую ценность рассказом шаманки о символике украшающих его изображений. Две спирально-ленточные фигуры с тремя завитками каждая — это море, голубые волны и голубые глаза морских животных. Рельефы, отдаленно напоминающие горные гряды, — острова земли. Лицевая поверхность лопаточки выполнена в виде чешуи лососевых рыб, а шесть поперечных насечек на ее концах (по три — на каждом) указывают на принадлежность хозяина лопаточки "икупассы" к роду Сару-айну. Ее сделал ученик Ямамичи-сан. Вот так неожиданно пополнилась новыми интересными экспонатами небольшая айнская коллекция Хабаровского краеведческого музея.

Искусство коренных народов Приамурья - особая страница в истории Дальнего Востока. Красота сурового края с древних времен воспевалась северянами, которые преклонялись перед силами реки, тайги и небес.

Дошедшие до нас из глубины веков предметы декоративно-прикладного искусства напоминают книгу таинств, где зашифрованы мифы, легенды, сказания, а также психология людей, веками населявших эти земли.

На территории Хабаровского края сегодня проживают представители восьми национальностей из числа коренных малочисленных народов Севера. Это нанайцы, ульчи, удэгейцы, нивхи, негидальцы, орочи, эвены и эвенки. Пройдя нелегкий путь времен, когда искусство аборигенов практически было уничтожено и вытеснено, коренные народы все же сумели его сохранить.

Этот номер журнала "Словесница искусств" посвящен духовному наследию и культуре аборигенов. Здесь собраны уникальный этнографический материал о шаманах, древних обычаях, старинных предметах искусства, а также рассказывается о современных мастерах, художниках, поэтах, которые сегодня возрождают традиции предков.

The art of Russian Far East indigenous people is a special page in the history of Russia. From ancient times the beauty of this harsh area along the Amur River was praised by local people. They worshiped the River, Forest and Heavens. The artifacts and handcrafts, which came to us from the depth of centuries, remind us of a mystery book with encrypted myths, legends, tales and also the mentality of those people. People who have inhabited this part of the world for many centuries.

Representatives of eight different indigenous Northern nations live in the Khabarovsk Krai. They are Ulchi, Udegei, Nivkh, Negidal, Oroch, Even and Evenk. These nations were able to preserve their art in spite of hard times when it was almost eliminated and pushed away.

This issue of the «Narrator of Arts» magazine is dedicated to the aboriginal's spiritual heritage and culture. There is a collection of unique ethnographic materials about shamans, ancient traditions and antique pieces of art on its pages. It also tells you about contemporary specialists, artists, and poets who have revived the traditions of their ancestors.